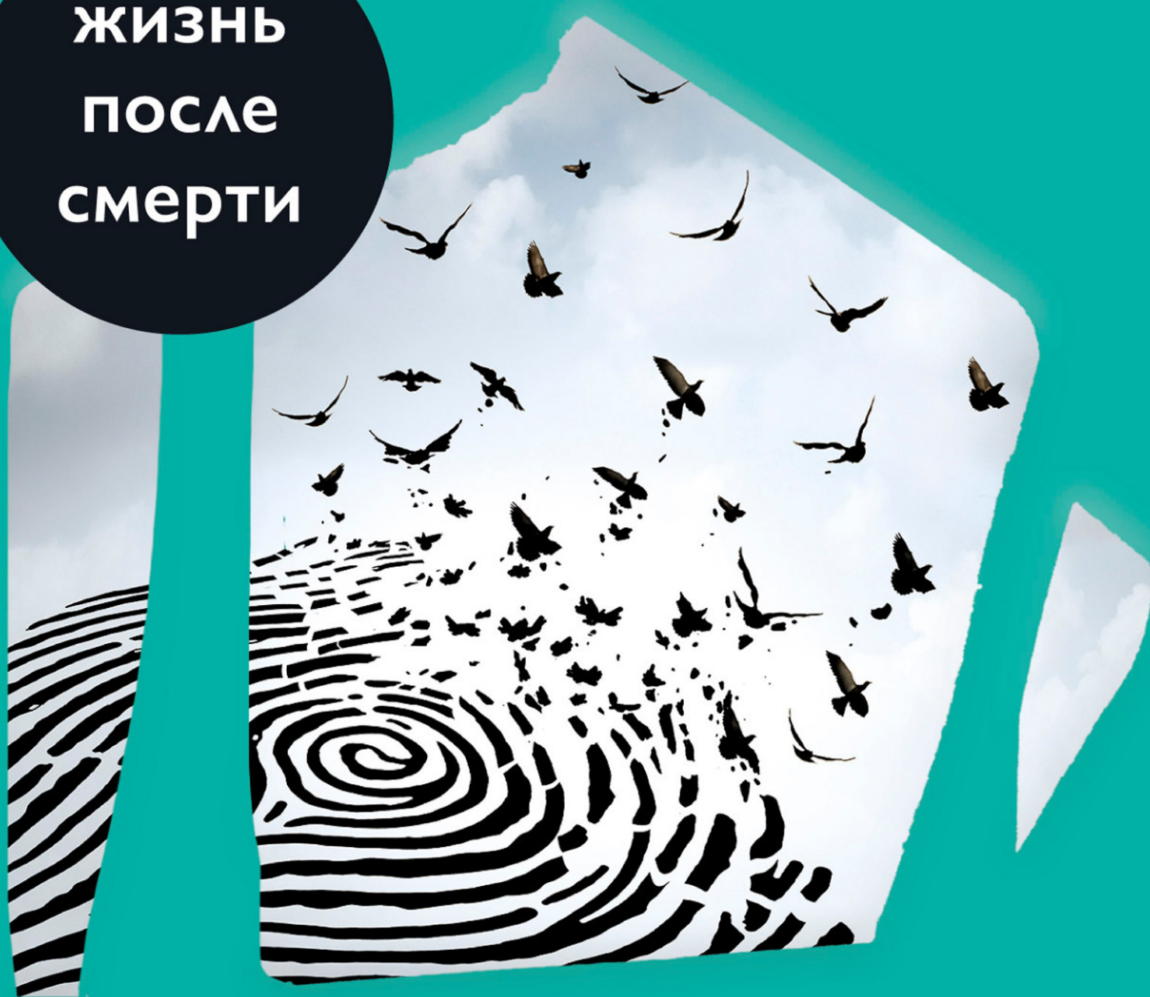

Более 8 миллионов книг продано по всему миру!

ЛИЗ БУРБО

ИСТОРИЯ · ИНИЦИАЦИЯ

ЖИЗНЬ
после
смерти

Ариссфель

софия

Лиз Бурбо

Ариссьель. Жизнь после смерти

«София Медиа»

2005

Бурбо Л.

Ариссьель. Жизнь после смерти / Л. Бурбо — «София Медиа»,
2005

ISBN 978-5-90-752545-0

Первая художественная книга Лиз Бурбо, автора серии «Слушай свое тело» и других бестселлеров по саморазвитию. Цель этой истории-инициации – помочь читателю осознать последствия всех решений, которые он принимает в своей жизни. Действие начинается незадолго до физической смерти главного героя и продолжается на разных планах бытия и в разных жизнях людей одной семьи. Продолжение следует!

ISBN 978-5-90-752545-0

© Бурбо Л., 2005
© София Медиа, 2005

Содержание

Слова благодарности	6
К читателю	7
– 1 —	8
– 2 —	17
– 3 —	22
– 4 —	27
– 5 —	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лиз Бурбо

Ариссьель. Жизнь после смерти

ARISSIEL La vie après la mort

Copyright © 2005 Lise Bourbeau

© ООО Книжное издательство «София», 2023

* * *

Слова благодарности

Я благодарю всех, кто поощрял и вдохновлял меня написать эту историю-инициацию, а именно: мою семью, друзей и многочисленных участников тренингов «Слушай свое тело». Написание этого романа – приятный для меня вызов, пробудивший во мне желание продолжать дальше.

Благодарю от всего сердца всех, кто согласился прочитать первые несколько глав книги, за проявленный интерес и участие. Мне это очень помогло и направило меня к новому жанру литературы.

Благодарю моего партнера по жизни, Жака Шеванеля, за то, что с энтузиазмом принял идею написания этой книги и безоговорочно поддержал мой рабочий график.

Благодарю Жан-Пьера Ганьона, директора издательского дома ÉDITIONS ETC. INC, за его профессионализм, ободряющие слова, советы, а также за все те исследования, которые он для меня провел.

Благодарю мою дочь, Монику Шилдс, директора школы ÉCOUTE TON CORPS, за уникальную способность облегчать мне жизнь, что дает возможность использовать освободившееся время для написания книг. Спасибо ей за современные обложки и оформление всех моих книг.

Благодарю за преданность, сотрудничество, а также прекрасные советы троих корректоров этой книги: Мишлин Сен-Жак, Эдит Поль и Мариз Пеллетье.

Благодарю Изабель Мори из компании Export'Up за предоставленную информацию о торговых импортно-экспортных операциях со странами Востока.

Благодарю многочисленных авторов романов, которые вызывали мое восхищение. Благодаря им я осознала, что одна моя часть хочет и может проявляться как автор романов.

К читателю

Эта история-инициация была написана с целью помочь читателю осознать последствия всех решений, которые он принимает в своей жизни. Сама история, а также все персонажи этой книги – вымышленные. Любое сходство с любым живым или жившим прежде человеком – не более чем чистое совпадение.

Автор учения проводника МИШАЭЛЯ – я, автор этой книги, и я советую вам, читатель, верить написанному и следовать учению только в том случае, если это помогает улучшить качество вашей жизни. Подходит вам это учение или нет – решать только вам.

Курсивом выделены мысли и ощущения главного героя, Ариссьеля, когда он наблюдает за ситуацией или за человеком. Цель этого – отделить размышления и чувства героя от ситуаций, которые он проживает и за которыми наблюдает.

— 1 —

Неожиданность **(15 марта 1986 года)**

Какое счастье! У меня наконец появился автомобиль, о котором я так давно мечтал: большой «Мерседес-560SL». «И почему я так долго ждал? Что мне стоило подарить его себе раньше?» – думал я, выходя из автосалона. Когда я был моложе, мне казалось, что только очень зажиточные люди могут позволить себе такую роскошь. И вот я вдруг понял, что и сам уже достаточно богат, чтобы сделать такую ценную покупку. И это еще не все, что меня радовало: именно сегодня, когда я стал счастливым автовладельцем, внезапно были отменены три встречи с клиентами. Какое счастливое совпадение! Теперь я смогу воспользоваться освобожденным временем, чтобы погонять на новенькой машине, наслаждаясь долгожданным приобретением!

И вот я уже на автостраде, еду куда-то без определенной цели. Прав был продавец, расхваливая эту модель! Она оказалась даже лучше, чем я думал. Я по очереди жму на все кнопки и рычажки приборной доски – надо же как следует разобраться, как здесь все устроено. Это оказалось почти настолько же забавным для меня, как и компьютерные игры. Я никогда не жалел денег на технологические новинки.

Для многих моих знакомых новейшие технологии – всего лишь игрушки для богатых. Да они просто завидуют, я уверен. Как бы мне хотелось, чтобы моя семья и друзья видели меня сейчас с моей новой игрушкой!

Час спустя я возвращаюсь в город и сразу же попадаю в пробку на улице Сен-Дени. Для начала марта прекрасная погода! Почему бы не припарковаться и не прогуляться пешком, глядя на выставленные в витринах товары? «Послушай, старик, когда в последний раз ты вот так бесцельно бродил по улицам, заглядывая в витрины?» – вдруг подумал я, останавливаясь перед очередным магазинчиком. Какой дизайн, какая оригинальность в оформлении каждой витрины! Сколько творческой мысли! Ах, как же прекрасна неспешность и безмятежность! Вот ведь действительно, полноту счастья может вкусить только свободный человек!

Я вдыхаю смешанный аромат земли и талого снега: именно это и есть для меня характерный запах весны. Весна бодрит меня, ведь зимы у нас, в Квебеке, такие долгие! Обещал я себе выбраться в январе куда-нибудь поближе к солнцу, но получилось как всегда. Меня снова не отпустили срочные дела на работе, и я остался мерзнуть здесь. Ну уж в следующем году я непременно куда-то вырвусь, даю слово!

Вдалеке я замечаю вывеску... Что-то она мне напоминает... Ах, да! Это же ресторан, куда мы с моей бывшей женой Моной приходили летом 1978 года отпраздновать ее день рождения. Прошло почти восемь лет, но я до сих пор помню, как она призналась мне, что очень хочет поужинать со мной наедине вон на той милой террасе наверху, на третьем этаже, которая нам обоим очень понравилась.

Уже час дня... Почему бы не присесть где-то? Вкусный обед станет отличным продолжением сегодняшнего дня, который так замечательно начался!

К тому же этот ресторан так и манит к себе. Странно почему? Ведь воспоминания о нашем с Моной последнем вечере были не из приятных. С самого начала ужина ей, несмотря на все старания, так и не удалось скрыть свою нервозность. Затем она начала разговор о том, что больше всего ее волновало, о детях, нарушив свое же решение не говорить о них. Не переводя дыхания, она призналась мне, что чувствовала себя очень несчастной, видя, как отношения между мной и ими с каждым годом все ухудшаются, если и вовсе не разрушаются. Поскольку у меня не было ни малейшего желания оправдываться или слушать нотации, я просто-напросто

слушал ее, давая выговориться. Не выдержав моего молчания, вскоре Мона совсем растерялась, тоже замолчала и сбежала в туалет. Вернувшись, она выглядела огорченной и заплаканной.

Тогда я попытался отвлечь ее, сменив тему разговора. Я сообщил ей, что как раз провернул удачную сделку, и предложил купить себе что-то приятное, как только мы поужинаем, на что она печально и разочарованно ответила, что я готов на все, лишь бы только избежать действительно важного и серьезного разговора. Она добавила, что у нее совершенно пропало настроение праздновать, а еще меньше ей хочется ходить по магазинам. Стоит ли говорить, что тут-то наш ужин и закончился?

Помню, как я тогда размышлял о том, насколько мужчинам сложно быть на одной волне с женщинами, особенно если дамы не озадачиваются тем, чтобы понять тебя и пойти навстречу, а только постоянно усложняют себе жизнь. Я и теперь продолжаю думать, что женщины – сложные создания, хотя, признаюсь, сегодня было бы неплохо оказаться в приятной женской компании. Очень жаль... Закажу-ка я бокал шампанского и воспользуюсь этой возможностью расслабиться, отпраздную свою свободу!

Странно, но после первого глотка меня охватывает печаль.

Любопытно, ведь пару мгновений назад я купался в счастье... *И для счастья у меня есть всё: здоровье, средства и даже машина моей мечты! Ну да, я одинок, и что же? Я могу соблазнить любую женщину, стоит только захотеть!* Так, делаю над собой усилие и беру себя в руки.

Романтическая обстановка, особый запах и сама атмосфера на этой террасе... Нет, я не могу перестать думать о Моне. Как она? Как чувствует себя? Вот уже пять лет я ничего о ней не слышал. Когда-то наш сын Бен говорил, что она хотела переехать в Британскую Колумбию, в Ванкувер. Я был так занят своими делами, что даже не позвонил ей. И почему я тогда не спросил у нее, от кого она собирается так далеко сбежать?

Постепенно я переключаюсь в мыслях на своих детей. У меня их двое: Бену (на самом деле его зовут Бенани, но Бен мне нравится больше) только что исполнилось тридцать лет, а Карине – двадцать восемь. Как мне вот так сходу удалось вспомнить их возраст? Мне их обоих не хватает. *Странно. Неужели я становлюсь сентиментальным? Как они там, как поживают?* С ними я тоже не виделся вот уже пять лет. Помню, как сразу после отъезда их матери я подумал, что нам пора бы повидаться. Тогда я позвонил дочери, но не успел даже предложить ей встретиться, как она молниеносно и недвусмысленно отрезала:

– Папа, мы с Беном больше не хотим тебя видеть. Ты звонишь нам, только когда вспоминаешь, что обязан исполнять роль отца. Но на самом деле ты НИКОГДА не был для нас настоящим отцом. Не нужно и сейчас насиловать себя. У нас своя жизнь, у тебя своя, поэтому оставь нас в покое. Я сейчас говорю и за Бена, потому что сам он не может тебе противостоять.

Я что-то пробормотал в ответ, сраженный наповал ее ответом, не оставившим мне ни малейшей надежды.

– Я решила сказать тебе правду раз и навсегда. Ни у Бена, ни у меня – у нас с тобой нет ничего общего. Разве ты никогда не замечал, что все наши встречи заканчиваются ссорой? И каждый раз мы с Беном все больше и больше расстраиваемся. Ну да, ты же один всегда прав! А в те редкие случаи, когда ты решаешь просто выслушать нас, ты делаешь это, лишь чтобы заставить нас передумать. Как минимум, теперь у нас не будет повода для скандалов. Да, я

злюсь на тебя, ведь ты бросил нас, но до сих пор настолько люблю тебя, чтобы пожелать тебе в будущем быть счастливым, а главное – более человечным!

И бросила трубку. Все было понятно.

Признаю, что их отношение ко мне вызывало у меня сильные эмоции и я не мог сдержаться, чтобы помимо своей воли не упрекнуть их, особенно когда мы встречались у Моны сразу после нашего развода. Это было сильнее меня. Но они ведь явно заслуживали моих упреков! Меня все в них бесило, даже то, как они по-дурацки одевались. Мне очень не нравилось, что они говорят с Моной как с подружкой, а та, дурочка, им это позволяет! Они всем видом показывали, что не уважают меня. Кто-то же должен был указать на это? Родители имеют право подсказывать детям, когда те ступают на ложный путь!

Мог ли я, как отец, поступать иначе? Я сделал все, что было в моих силах. Они упрекали меня, что я много работаю, но ведь они любили мои денежки? Я оплачивал все их капризы! *Видимо, я сам их слишком избаловал. Неблагодарность – вот чем страдают современные дети. Они даже не подозревают, как сложно сегодня быть родителем. Они поймут это, разве что когда наступит их черед.*

И вдруг я подумал: а может, у Карины и Бена уже тоже появились свои дети? Ведь прошло пять лет... Ну нет, я уверен, что это невозможно. Не может быть, чтобы они были настолько бесчувственными: если бы они завели семьи и у них родились бы дети, они бы обязательно мне об этом сообщили!

Хотя... Не уверен. Как же мне избавиться от этих сомнений? Гоню от себя неприятные мысли. Завтра я обязательно найду телефонные номера и позвоню им. Нужно забыть об обидах и снова начать общаться. Нужно чаще видеться. В конце концов, они же взрослые люди! Наверняка со взрослыми людьми мне будет легче иметь дело.

И почему мне так сложно общаться со своими собственными детьми?

Они правы, я не очень-то к ним прислушивался, и так было всегда, с самого их детства. Я совершенно не понимаю это новое поколение. Всю жизнь надеялся, что наше общение с ними может возобновиться, но они упорно не хотели принимать мою точку зрения. Зрелости – вот чего им все время не хватало. Ладно, это мелочи. Теперь все будет иначе. Если у меня получится дозвониться, предложу им встретиться. Клянусь, на этот раз уж я их выслушаю. Я буду слушать их по-настоящему, без малейшей критики. И вот что я сделаю: подготовлю вопросы. Если я буду проявлять интерес к ним, задавать вопросы и внимательно слушать, что они будут мне говорить, все пройдет как нельзя лучше. Вне всякого сомнения!

Приняв такое решение, я с облегчением позволяю себе насладиться кусочком нежнейшего горячего орехового торта с шариком сливочного мороженого, пригубивая ароматный капучино. А чтобы красиво закончить свой обед, заказываю рюмку коньяку. Неспешно раскрывая для себя его букет, листаю принесенную официантом газету. Нет, что-то мешает мне сосредоточиться на чтении, и я просто рассеянно пробегаю рубрику «Мероприятия».

Мои мысли не дают мне покоя. Что же мне сказать детям, если я смогу им дозвониться? Как лучше встретиться с ними: сразу с обоими или с каждым по отдельности? Зависит от того, как они на меня отреагируют... Но какой смысл рассуждать об этом, если я даже не знаю, согласятся ли они вообще встретиться со мной?

Из ресторана я выхожу почти в три часа. У меня нет ни малейшего желания возвращаться домой в одиночестве, и я направляюсь в сторону кинотеатра. В газете, которую я пролистывал в ресторане, сообщали, что в Монреале начался прокат нового фильма с Эдди Мерфи, моим

любимым комическим актером. Почему бы не сходить? После кино мне станет легче, я смогу расслабиться. Состояние грусти, которое нахлынуло на меня в ресторане, совершенно мне не нравилось. Особенно печальны были мысли о детях. Как же редко я нахожу время для просмотра фильмов, особенно комедий... Но сегодня день принятия решений – *да что же такое происходит?* – и я принимаю еще одно: ходить в кино не реже раза в неделю, независимо от того, захочет ли кто-то составить мне компанию.

Наличных при себе почти не осталось, и я решаю заглянуть в банк. Тут неподалеку, на улице Рашель, есть отделение моего банка. Легким шагом и со спокойным сердцем я направляюсь туда. Я просто счастлив: редкий случай, когда не нужно никуда торопиться, боясь пропустить следующую деловую встречу.

Сквозь глубокие размышления я замечаю, как одна... две... три полицейские машины проносятся мимо меня с оглушительно ревущими сиренами. Они останавливаются перед банком. Да там что-то происходит! Прямо как в кинобоевике! Трое парней быстро выбегают из дверей как раз в тот момент, когда полицейские были уже готовы войти. У каждого из них в руках по чемоданчику. Один, который показался мне главным, выхватывает пистолет и начинает стрелять во все стороны, чтобы напугать полицейских. Я замираю на месте, стараясь ничего не упустить.

И вдруг мир переворачивается. Я чувствую, как в моей груди что-то взорвалось. Что это? Мне страшно. Я ничего не понимаю. Я больше ничего не ощущаю. Мои ноги подкашиваются, а голова тяжело ударяется обо что-то очень твердое. Мое тело падает на холодную поверхность, а вдалеке слышны голоса. Кто-то в панике кричит:

– Скорее, на помощь! Здесь раненый! Сюда!

Что происходит? Я в удивлении обнаруживаю, что это лежащее на тротуаре тело – мое. А почему я его вижу со стороны? Это точно я? Мне кажется, я выгляжу не настолько старым. А где я нахожусь, откуда мне все это так хорошо видно?

Двое полицейских едва справляются с толпой любопытных. Боже, сколько крови... Эта кровь льется на тротуар из моей груди, это лужа моей крови... *А почему я ничего не чувствую? Странно наблюдать за всем этим зрелищем со стороны и вместе с тем все видеть и все слышать.* Я слышу, как полицейский говорит своему коллеге:

– Пульса нет. Господи, мне кажется, он умирает!

– Скорая будет с минуты на минуту, – реагирует второй полицейский. – Наконец-то! Бедняга, вот уж неудача: оказаться в неправильном месте в неподходящее время. Надеюсь, эти парни из скорой помощи смогут что-то сделать для него, спасти...

Один небольшого роста врач уже торопится мне на помощь. Он явно нервничает. Быстрая походка, острый взгляд. Он старается уловить все происходящее. Я бы сказал, что им движет адреналин. И он больше похож не на доктора, а на политика. Но вот он осмотрел меня и вынес собравшимся вокруг полицейским вердикт. Пуля пробила правое легкое, и ему остается лишь констатировать мою смерть.

И тут я как заору во все горло: «Нет! Не может быть, чтобы я был мертв! Черт побери! Вы что, меня не слышите? Я же вас вижу и прекрасно понимаю все, что происходит!» Я пытаюсь трясти одного полицейского, толкнуть другого, но они не реагируют. Я просто прохожу сквозь них. Один из них все же смотрит в мою сторону, словно чувствуя мое присутствие, но потом отворачивается и уходит к своей полицейской машине.

Ну и дела! Не могу в это поверить... Я УМЕР... Я МЕРТВ! Что же теперь со мной будет?

Меня охватывает ужасная тревога и чувство неминуемой опасности. Я был убежден, что после смерти человек уходит в пустоту, небытие и бездну. Ты умираешь, и все кончено... Выходит, я ошибся? И хотя врач скорой помощи и полицейские так уверенно и единогласно признали мою смерть, я все еще чувствую себя таким же живым, как и прежде. Однажды вместе с Моной мы смотрели фильм, в котором человек, погибший в автокатастрофе, парил над своим собственным телом, как прямо сейчас парю я сам. Моя бывшая жена верила, что именно так все и происходит с нами после смерти, я же с нескрываемым удовольствием насмеялся над нею. Я утверждал, что так бывает только в кино. *А ведь она оказалась права! Видела бы она меня теперь, она бы лопнула от гордости.*

Теперь я намного легче, чем был. Я лечу! *Как же все это странно! Я могу одновременно наблюдать за своим телом, которое медики готовятся увезти в отделение скорой помощи, и видеть себя здесь, наверху, в своем же теле, которое мне кажется совершенно нормальным.* И все же я отличаюсь от того мужчины, лежащего на тротуаре. Удивительно, но мучивший меня артрит больше не причиняет мне боли в руках и коленях. Мне очень нравится, что я теперь не чувствую боли. Я так привык годами жить с болью, что уже не помню, как это – чувствовать себя хорошо.

И что же теперь со мной будет? Ведь именно я всегда высмеивал людей, которые, подобно Моне, говорили, что смерти в привычном ее понимании не существует. Будь я внимательнее, прислушивайся я к ним, сейчас я бы, наверное, лучше понимал, что произошло и что еще меня ждет впереди!

Ненавижу, когда приходится чувствовать себя беспомощным и невежественным. Мне, человеку, умеющему талантливо предупреждать любое мошенничество, теперь кажется, будто кто-то где-то меня бессовестно обманул.

Я с интересом наблюдаю за суетой, происходящей вокруг меня. Полицейские, расставленные по всему периметру банка, допрашивают клиентов и сотрудников, свидетелей происшествия. Типу, который меня застрелил, удалось сбежать. Из всех грабителей оружие было только у него. Он побежал по переулку на бешеной скорости и исчез в толпе. Двоих других грабителей полиции удалось задержать.

Сотрудники скорой помощи еще какое-то время остаются на месте происшествия: они хотят убедиться, что в банке больше никто не пострадал и не нуждается в помощи. Тем временем один из двух занимавшихся мной полицейских находит у меня бумажник с документами, удостоверяющими личность.

– АРИССЬЕЛЬ ЛАБОНТЕ, предприниматель, проживает в Лавале. Указаний, кому звонить при несчастном случае, нет.

– Не удивительно. При жизни никто не думает о таких мелочах, – подхватывает его коллега.

Он достает мобильный телефон и набирает номер, указанный на моей визитной карточке. Никто не отвечает, что и неудивительно. Найдя ключи в одном из моих карманов, его товарищ говорит:

– Глянь-ка, новенький ключ от «Мерседеса»! Думаю, сам автомобиль должен быть где-то рядом. А это, вероятно, ключи от его дома. Нужно будет выяснить, что за «предприятия» у этого бизнесмена... Понимаешь, что я имею в виду? – добавил он с долей сарказма.

– Да, возможно, это не случайность. Что ни говори, но он был на месте преступления. Надо отработать все варианты, проверить каждую мелочь, – соглашается второй.

Что он сказал? Неужели я не ослышался? Они думают, что я мог быть как-то связан с грабителями? Невероятно! Выходит, полицейские дошли до того, что не доверяют вообще никому? Должно быть, они всякое повидали в таком большом городе, как Монреаль. Ну и работенка у них! Никогда не угадаешь, что случится завтра, а еще меньше – с кем придется иметь дело! Должно быть, это не просто, и не только для полицейских. У следователей то же самое, а еще у медиков, которые вынуждены вот так приезжать на место происшествия или несчастного случая, – в общем, у всех, кого вызывают в неотложных ситуациях...

Но с какой стати мне думать о тяготах жизни полицейских? Они всегда присутствовали в моей жизни, однако же такие мысли меня никогда не посещали! Может, это потому, что я умер?

Я УМЕР. Я МЕРТВ! Нет, я не могу поверить в это! Интересно, чем я заслужил у Бога такую трагическую смерть? Вот уж неожиданность так неожиданность! Как ни в чем не бывало прогуливаешься по улице, наслаждаясь свежим весенним ветерком, и вот, мгновение спустя, ты уже труп. Черт побери! Надеюсь, полицейские задержат того сумасшедшего, застрелившего меня, и надолго упрячут его за решетку.

Не успев подумать о своем убийце, я тут же вижу переулок, в котором он скрылся, и квартиру, в которой он прячется. Все это, конечно, очень странно, но я могу наблюдать за всем, что происходит в этой маленькой полуподвальной квартирке старого выцветшего дома с облупившейся голубой краской. *Неужели кто-то может жить вот в таких трущобах? Даже не знал, что такое существует в нашем прекрасном Квебеке.* Мой убийца о чем-то говорит с другим парнем, который чем-то похож на него. Наверное, это его брат: так же красив, так же отлично сложен, но его лицо кажется мне более грубым. Очень взволнованный и запыхавшийся, грабитель с досадой рассказывает о своем приключении:

– У меня сдали нервы, и я начал стрелять куда попало. На тротуаре было полно народу. Не знаю, может, я и ранил кого. Понимаешь, кто-то нажал на кнопку сигнализации и полиция прибыла на место, как раз когда я выбежал из банка. Парням повезло меньше, а то бы мы все вместе пришли сюда. Слава богу, я не успел им сказать, где меня искать!

– Да заткнись же ты, Гектор, – обрывает его собеседник. – Расскажешь позже. Живей переодевайся, снимай парик и уходим отсюда скорее! Элен не должна видеть тебя здесь. Если она узнает, что я сделал дубликат ключа, что я прихожу сюда, пока она на работе, и сопоставит это с тем, что случилось сегодня, она точно выгонит меня.

– Да ты с ума сошел, Харви, – задыхается Гектор, стаскивая парик и обнажая бритую голову. – Ты действительно хочешь, чтобы мы смотались отсюда прямо сейчас? Полиция наверняка сейчас обыскивает каждую улицу, каждый дом в округе!

– Не волнуйся, братишка, я обо всем позаботился. Ты же всегда хотел быть частью моей банды, так вот, слушай и учись! И ничего, что я всего на два года тебя старше. Это же не значит, что я не могу быть в чем-то опытнее тебя? Я в деле с малых лет, у меня есть опыт, кое-чему я тебя все же могу научить!

Молниеносно он достает из сумки два черных монашеских платья, натягивает на себя одно и делает знак брату надеть другое. Гектор смотрит на себя в зеркало в таком наряде и не может удержаться от смеха:

– Мы теперь похожи на двух прелестных монашек, которые совсем не постыятся, да? Действительно, в этой широкой одежде они кажутся толще, чем на самом деле.

Я смотрю на них, совершенно обалдевший. *Этот ненормальный только что ограбил банк и убил меня – и ему смешно? Правда, он еще не знает, что я мертв. Но когда узнает и окажется в тюрьме, ему будет не до смеха.*

Размеренным шагом сообщники покидают квартиру; они выходят, опустив головы, стараясь оставаться незаметными. Харви постоянно шепотом просит Гектора не вертеть головой во все стороны и соответствовать образу монахини, которая спокойно идет по своим делам.

Стараясь выглядеть как можно естественнее, братья направляются в сторону улицы Дроле. Дважды они встречают полицейских. Опрашивая пешеходов, те лишь бросают взгляд в их сторону, но не останавливаются. Так парни доходят до припаркованной неподалеку машины Харви и усаживаются в нее.

– Уф, – вздыхает Гектор, хлопая дверцей. – Кажется, сегодня нам повезло!

– Я же тебе говорил, что все будет хорошо! Доверься мне, у меня есть опыт в таких делах! Харви заводит мотор и медленно отъезжает, стараясь не привлекать внимания прохожих.

В бешенстве я беспомощно смотрю им вслед! *Невероятно! Неужели они вот так безнаказанно уйдут, черт побери? Ведь каждому известно: как только ты немного превысишь скорость, полицейские тут как тут... А когда нужно поймать молодых головорезов и предать правосудию, так их днем с огнем не сыщешь!*

В мгновение ока я снова оказываюсь на месте трагедии, как раз в тот момент, когда отъезжает карета скорой помощи. Я ору во всю глотку, чтобы сообщить то, что мне стало известно о моем убийце, но, увы, никто меня не слышит. Как же так? Я кричу что есть мочи! Или мне это только кажется?

Что происходит? Они говорят, что я умер, но я чувствую себя совершенно живым!

Я провожаю взглядом машину скорой помощи, которая направляется в сторону морга. Вскоре меня засовывают в какой-то ящик. Сотрудник, принимающий покойников, списывает мои данные с удостоверения личности и уходит.

Мое тело оказывается в ящике с номером, и теперь я совершенно обезличен. Здесь стерильно и ужасно холодно. И я ощущаю бесконечное одиночество еще сильнее, чем в последние годы жизни. Кроме нескольких коллег по работе, настоящих друзей я так и не приобрел. *Ну что ж ты хочешь, при такой работе это нормально. Думаю, любой другой на моем месте переживал бы то же самое. Сложно поддерживать дружеские отношения, когда так много путешествуешь. На семью мне тоже всегда не хватало времени. Ну и что? Я ни о чем не жалею: если бы мне сейчас пришлось все начинать сначала, я бы поступал точно так же. Я молодец! Я достиг успеха, а разве не это самое главное? Разве не этого я хотел всей душой, разве не к этому всегда стремился? Мона меня в этом никогда не поддерживала. Она считала ненормальным, что для меня работа всегда была на первом месте. Она мне постоянно это твердила, весь мозг проела.*

Интересно, живя там, в Ванкувере, узнает ли она, что со мной произошло? А дети? Не думаю, что они читают газеты. Но даже если о происшествии напечатают в уголке газетной страницы, поймут ли они, что речь идет именно обо мне? И даже если они узнают о моей смерти, как это изменит их жизнь? В определенном смысле я для них уже давно умер. Бессердечные люди. И это после всего того, что я для них сделал!

– А разве ты сам, Ариссьель, не был бессердечным со своими родителями?

Что? Чей это голос? Откуда он?

Какая разница? Отвечая, я пытаюсь оправдаться: «Не нужно сравнивать! С моими родителями все было по-другому. Они были ужасно старомодными, и я, естественно, уехал, чтобы строить свою жизнь по-своему».

Боже, что происходит? Вдруг передо мной, как в кино, начали мелькать сцены из прошлого... Что это?

Вот мне девятнадцать лет. Я покидаю родительский дом с твердым намерением больше никогда туда не возвращаться. Я больше не желаю встречаться с родителями. Никогда. После свадьбы я иногда нарушал это свое решение, но лишь потому, что на таких встречах настаивала Мона. Она считала, что наши дети должны знать своих бабушек и дедушек и что рвать семейные связи вообще ненормально.

Все повторялось в точности по одному и тому же сценарию несколько раз в год. Это так отчетливо всплыло в памяти, словно я действительно оказался в прошлом.

Когда Мона решает меня в чем-то убедить, она вся напрягается и пристально смотрит на меня своими красивыми карими глазами. Даже будучи уверенным, что мне совершенно не понравится идея, которую она попытается мне навязать, я все равно люблю ее красотой. Ее великолепные рыжие кудри роскошно обрамляют лицо и, едва касаясь плеч, разлетаются во все стороны при каждом движении. То, как она поворачивает голову, как она смотрит на меня, значит для меня больше, чем любые слова. На этот раз она сообщает:

– Вот уже несколько месяцев мы не виделись с твоими родителями. Твоя мама снова звонила мне. Она спрашивает, когда мы приедем. Я подумала, что можно было бы съездить в следующие выходные. У тебя как раз не будет командировки...

– О нет, в кои-то веки я планировал хоть раз отдохнуть спокойно дома, с семьей. Триста километров туда да триста обратно... Шестьсот километров за два выходных – это слишком много. Давай съездим позже? Или, например, почему бы им самим к нам не приехать?

– Ариссьель Лабонте, – говорит жена, отчеканивая каждый слог, – ты просто бессердечный тип! Тебе должно быть стыдно. Сколько раз ты уже откладывал эту поездку на потом? Мы с тобой говорили об этом месяц назад, и ты мне ответил точно так же. Неужели ты не понимаешь, что твои родители могут умереть в любой день и у них никого, кроме тебя, нет? Ради всего святого, скажи, что ты за человек? Ты никогда и не подумаешь сделать им приятное. Почему ты так безразличен к их чувствам? Пойми, когда их не станет, ты пожалеешь, но будет слишком поздно.

Я не реагирую, и ее это раздражает еще больше. Она добавляет:

– Тебе дорога к ним кажется слишком длинной? А для них, думаешь, она будет короче? В их возрасте преодолевать такие расстояния еще сложнее.

Она выдерживает паузу и, немного подумав, предлагает:

– А давай пригласим их к нам в гости на неделю? Тогда у них будет время, чтобы отдохнуть перед обратной дорогой!

– На неделю?! Ты серьезно? Чем они будут здесь заниматься целую неделю? Они невыносимые зануды! Да с ними же не о чем говорить. И потом, меня почти никогда не бывает дома. И тебя, кстати, тоже. Ты всегда занята. И дети тоже, я уверен, не захотят сидеть дома каждый вечер и развлекать бабушку с дедушкой. Бен и Карина похожи в этом на меня. Они считают своих предков старыми и сонными, а путешествие на север, в Мон-Лорье, – скучным. Деревня, в которой они живут, – это затхлая дыра, молодежи там делать нечего. Уверен, что они предпочтут остаться в Лавале, где всегда есть чем развлечься.

– Ну нет, на этот раз я так просто этого не оставлю, – резко возражает Мона. – Мне редко удается отстоять свою точку зрения. В нашей семье всегда все решения за каждого принимаешь только ты. Но сегодня моя очередь решать. Мы поедem к ним в эти выходные, и точка!

Прокручивая в памяти этот разговор, я припоминаю, как в тот раз я сделал огромное усилие над собой и согласился, лишь бы избежать скандала и больше не слушать нотаций. Тогда я подумал, что после этой поездки меня точно оставят в покое надолго. Но в глубине души я понимал, что моя жена права и родители очень обрадуются нашему приезду.

Моим детям нечего жаловаться, ведь у них-то родители не такие древние. Мы с Моной довольно рано стали родителями, и так намного лучше. Кроме того, в отличие от моего отца, я постарался скопить для семьи приличную сумму. Он же всю жизнь зарабатывал ровно столько, чтобы хватало на пропитание, ни центом больше. Нужно было постоянно думать о деньгах и экономить.

Интересно, что будет с моими деньгами, которые я с таким трудом копил, работая без выходных? Я никогда не думал, что так рано умру. Мне всего пятьдесят пять, и это не тот возраст, когда пора умирать. Я даже ни разу не подумал о том, чтобы составить завещание. Я был убежден, что буду жить и жить. Да, я страдал артритом, но это же не смертельно. Господи, какая хрупкая и непредсказуемая эта штука, жизнь... Она всегда полна сюрпризов.

НО ГДЕ Я? НЕУЖЕЛИ НЕТ НИКОГО, КТО МОГ БЫ МНЕ ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? Боже мой! Не припомню, чтобы когда-нибудь мне было страшнее, чем сейчас!

— 2 —

Встреча с Мишаэлем

Лишь только я подумал об этом, как вдруг чувствую, что меня засасывает что-то похожее на светящийся туннель. Бесконечный туннель, в котором меня окутывает ослепительный и мощный поток света. И вдруг передо мной появляется какой-то силуэт. Мужчина это или женщина? Не могу точно сказать... Но в нем чувствуется какая-то таинственность, и это необъяснимое что-то влечет меня. Какое чудесное присутствие! Я смущаюсь его глубокого взгляда, который пронизывает меня. Чувствую себя испуганным и обнаженным. Пытаюсь рассмотреть очертания существа, стоящего передо мной, но не могу: я слишком очарован этим взглядом. И все же мне кажется, что это скорее «он», чем «она».

Через некоторое время, которое кажется мне вечностью, существо произносит:

– Да, ты умер. Отныне ты живешь в мире душ, который вы, люди, называете небесами, чистилищем, адом, астральным планом. Но умерло лишь твое физическое тело; душа же, отделившись от тела, только что попала на астральный план. Наверное, ты удивлен тем, что мыслишь и реагируешь точно так же, как и до несчастного случая? Это потому, что твои более тонкие тела, эмоциональное и ментальное, не умерли и никогда не умрут. Вот почему ты продолжаешь думать, рассуждать, анализировать и чувствовать все, что происходит здесь или на Земле.

Кажется, несмотря на отсутствие у меня физического тела, вид у меня совершенно растерянный.

Наблюдая за мной, светящееся существо продолжает:

– В этом мире все люди оказываются множеством раз, пока жива их душа. Им нужна такая передышка, чтобы осознать, продвинулись ли они в своем развитии, к которому так сильно стремятся с единственной целью: научиться жить на своей планете во всеобъемлющей любви. Пройдет немного времени, и ты поймешь, что начинающаяся сейчас фаза твоего существования крайне необходима тебе. Чтобы познать истинное счастье, ты должен научиться развивать свое сознание. Хочешь ли ты узнать, что такое блаженство души, блаженство всего твоего естества?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, совершенно ничего не понимаю. Вы хотите сказать, что небеса существуют?

– Ты, как и большинство людей, веришь, что после смерти все заканчивается, ты погружаешься в небытие. Или же, наоборот, ты думаешь, что, попав на небеса, освободишься от страданий и будешь вкушать блаженство до момента твоего повторного рождения. Но истина в том, что все продолжается даже после того, как твое физическое тело прекратит свой земной путь.

– Но... – возразил я, – вы говорите, что я умер, но как бы не по-настоящему, не насовсем? Не могу поверить в это. И вы мне говорите о счастье? Но что вы называете этим словом? Каждый хочет быть счастливым. Но счастье – это утопия. По крайней мере, я так думаю. Это означало бы, что все складывается, как мы хотим, но так не бывает! И, кажется, для вас уже решенный факт, что я никогда не был счастлив... Но тут вы тоже ошибаетесь! Моим счастьем была моя успешная карьера. Конечно, я не могу похвастаться такими же блестящими успехами в личной жизни, но, сравнивая себя с другими, могу точно сказать, что мне посчастливилось больше. Да кто вы вообще такой, чтобы так со мной разговаривать?

Существо невозмутимо продолжает:

– Меня зовут МИШАЭЛЬ. Моя задача – помочь тебе познать ИСТИННУЮ ЛЮБОВЬ к самому себе и к другим. Поскольку в твоём последнем земном воплощении тебя называли

Ариссьелем, я так и буду обращаться к тебе. Ты ненавидишь открываться другим, ты – человек-загадка. Не переживай, я буду использовать свои знания о тебе, лишь чтобы помочь. Надеюсь, когда-нибудь ты мне доверишься. Прежде чем ты сможешь пробудить свое сознание, тебе нужно будет пройти несколько этапов. Это все, что я могу сказать прямо сейчас. После этих этапов тебе будет легче достичь ИСТИННОЙ ЛЮБВИ, которая и приведет тебя к счастью. Ты утверждаешь, что познал счастье? Те мгновения радости, испытанные тобой в земной жизни, – ничто в сравнении со счастьем, которое может поселиться в твоём сердце.

Озадачив меня своей информированностью, существо продолжает:

– Увидев свое безжизненное тело, ты думал, что все закончено? Ты ошибся, и теперь ты это понимаешь. Твоя жизнь продолжается, и не только здесь, в мире душ. Когда-нибудь ты снова вернешься на Землю и продолжишь свой путь, чтобы закончить все незавершенные тобой дела. Твоя душа нуждается в этом – это ее глубинная потребность. Все, что с тобой происходит, – это дар, и ты скоро поймешь это. Но пока, увы, не ты решаешь, какие этапы тебе предстоит пройти и когда. Сейчас тебе предоставлен лишь такой выбор: ты можешь продолжать беспомощно блуждать, не ведая своего будущего, а можешь решиться прожить увлекательный опыт здесь, в мире душ... Что ты выберешь? Что предпочтешь? Если ты открыт, то сможешь быстро продвигаться в своем развитии.

То есть я не совсем умер? Когда-нибудь я снова вернусь на Землю и начну все сначала? О нет! Никогда! Неужели он рассчитывает, что я поверю в это? Хотя... Откуда он узнал о том, что я чувствую себя беспомощным? Ненавижу, когда другие что-то такое узнают обо мне. Я в замешательстве, но, признаюсь, его предложение помощи кажется мне достаточно привлекательным. Ладно, раз уж вся моя жизнь была связана с риском, рискну еще раз, так и быть. Посмотрим, что мне это даст! Сказать по правде, я в таком состоянии, что мне терять нечего. Постой, а что это за разговоры об истинной любви? Интересно...

Кажется, это существо читает мои мысли. Не дожидаясь моего ответа, оно улыбается и говорит:

– Наступит время, и я все тебе объясню. Однажды ты узнаешь, почему я хочу помочь тебе и зачем сопровождаю.

И он исчезает. А меня охватывает великая пустота. Оказывается, в присутствии его света мне было очень хорошо...

И вдруг меня куда-то уносит, но я больше не вижу так, как видел на Земле. Неприятное чувство. Я попадаю в пространство, переполненное людьми всех возрастов и цветов кожи. Эти люди гоняются друг за другом. Здесь есть и ужасные странного вида создания, и зловещие движущиеся дома, которые надуваются и сдуваются. Я вижу дома, предметы, людей в другом, многомерном мире. Я слышу истошные вопли, но не ушами, а чем-то глубоко внутри меня.

Что я здесь делаю? Как мне выбраться отсюда? МИШАЭЛЬ говорил мне о каких-то этапах. Возможно, это один из них?

Вдруг один из людей обращается ко мне:

– АРИ ЛАБОНТЕ? И ты здесь? Я убью тебя! Я умер из-за тебя, из-за твоих наркотиков! Это по твоей вине я не могу выбраться из этого безумного мира!

Этот человек обращается ко мне слишком развязно, и я понимаю: он знает меня. Я никогда не любил своего полного имени и просил, чтобы знакомые называли меня просто Ари.

Я оборачиваюсь. Действительно, очень давно этот тип работал на меня. В те времена я задыхался от долгов. Чтобы как-то свести концы с концами, я решил поторговать наркотиками.

Рисковать в начале карьеры, которая обещала быть блестящей, я совершенно не собирался. И я нанял пятерых парней, чтобы они делали всю опасную работу.

Как странно, что я узнал его!

Не в силах сдержаться, я сканирую его с ног до головы. Старые потертые джинсы с дырками на коленях. Босые ноги с длинными грязными ногтями. Волосы тоже длинные и грязные. Изможденное лицо. И глаза, глядящие на меня в упор не мигая. Если бы глазами можно было стрелять, он бы меня продырявил не задумываясь.

Я без смущения перехожу в наступление:

– Оставь меня в покое! Ты сам решил подсесть на наркоту, я тут ни при чем! У меня тоже был доступ к наркотикам, но мне хватило ума не пробовать их. Я платил тебе, чтобы ты продавал их, а не употреблял. И за твою глупость я не отвечаю.

– Если бы я не зарабатывал столько денег, то и употреблял бы меньше. Но это ты снабжал меня. К тому же ты знал мою слабость и пользовался этим. Ты дорого заплатишь за все зло, что причинил мне!

Вот это да! Он вот так смело обвиняет меня в своих бедах? Бог свидетель, я никогда не поощрял то, чем он занимался. Наоборот, я много раз предупреждал его: зависимость от наркотиков – это рабство. Ну и в конце концов, между нами были только деловые отношения. Какое я имел право вмешиваться в его личную жизнь?

Я отвечаю ему резко, как только могу:

– Пошел к черту! Я больше не хочу тебя слышать. Тебе не удастся сделать меня виноватым. Если бы ты действительно хотел завязать с этим, ты бы это сделал. А если не мог завязать сам, нужно было просить о помощи.

– Да я же все перепробовал! И ничего не помогло! Я бросал и снова начинал, и так много раз. Ты даже не можешь себе представить, как я тебя ненавижу! Ты и все остальные торговцы делаете сумасшедшие деньги, используя зависимых людей вроде меня, которые оказываются просто в безвыходном положении. Для таких людей, как ты, должен существовать отдельный ад.

Он не успевает закончить, как неожиданно звучит другой голос, от которого я непроизвольно вздрагиваю.

– АРИ ЛАБОНТЕ! Вот мы и встретились. Нет, ты не покончил со мной! Как же долго я мечтал об этом дне и о нашей новой встрече!

В этом человеке я узнаю своего бывшего партнера Жан-Луи, от которого однажды я решил отделаться. Мы были равноправными партнерами в бизнесе, но я работал вдвое больше, днем и ночью, и считал неправильным отдавать ему половину всей прибыли. Тогда, уходя от него, я решил поступить по справедливости, как я ее понимал. Я прихватил контракт на кругленькую сумму, который мне как раз удалось заполучить, а также контакты всех моих клиентов. Позже через общих знакомых я узнал, что он был в ярости и при каждом упоминании моего имени проклинал меня.

Он в ужасном состоянии. Моего возраста, но выглядит намного старше. Думаю, это все из-за уныния, которое читается на его безжизненном и потухшем лице. А каким же лощеным, каким гордым он был: каждый день тщательно укладывал свои черные блестящие волосы, носил элегантную одежду, прямо фотомодель... И что я вижу сегодня? Жалкий, поставивший на себе крест человечиска... Седые тусклые волосы, да и весь он какой-то поблекший. Что же с ним стряслось?

Чувствую, как атмосфера накаляется. К Жан-Луи подходят еще три каких-то человека, явно чтобы его поддержать. И все четверо собираются напасть на меня. Я убегая, но они преследуют меня. И вот они уже позади меня, еще чуть-чуть – и догонят. *Черт побери! Сколько будет продолжаться этот цирк? Да они же сумасшедшие!* Жан-Луи настигает меня, ему удается схватить меня за руку, и он кричит:

– Да ты хоть понимаешь, что ты натворил, оставив меня одного?

Я ору в ответ:

– Тебе всегда везло: у тебя были богатенькие родители, ты жил, как живут только миллионеры! Роскошный автомобиль, абонемент в самый дорогой гольф-клуб... Ты ни в чем не нуждался, тебе никогда не нужно было работать. Это я, черт побери, делал все. Зачем мне было делить с тобой прибыль? И все клиенты тоже были моими, я нашел их сам. А тех, кого раздобыл ты, я не трогал, тебе и оставил. Так что запомни раз и навсегда: я тебе ничего не должен!

– Мерзавец! Лицемер! Ты не должен был вот так уходить, оставив мне лишь жалкие крохи! Если тебе что-то не нравилось в нашем партнерстве, нужно было сказать мне, обсудить, о чем-то договориться.

– Договориться? С тобой? Тебя никогда не было в офисе. Нет, хуже, ты просто не являлся на наши встречи. Сколько раз ты звонил мне в последнюю минуту, придумывая глупейшие оправдания, почему не можешь прийти! Мне это все надоело! Откровенно говоря, даже не понимаю, что тебя так взбесило! Тебе же всегда так хорошо помогал твой папочка...

Он не дает мне договорить, перебивая на полуслове:

– Да что тебе известно об этом? У нас с отцом была одна и та же проблема. Мы оба лишь притворялись, что принадлежим к кругу богатых людей. Но на самом деле мы были в долгах как в шелках. Когда ты ушел от меня, я начал выпивать. А в один ужасный день решил покончить со своим жалким существованием и пустил себе пулю в лоб. И все это из-за тебя!

– Твои упреки – полная чушь! Я никогда не соглашусь принять на себя вину за твои поступки. Если бы ты только приложил совсем немного усилий, поработал – и все бы наладилось. И потом, ты же мог найти меня и мы бы, возможно, о чем-нибудь договорились.

– Это ложь, и тебе прекрасно это известно. Ты такой: однажды приняв решение, уже его не меняешь. Ты всегда так поступал с другими людьми, я видел это.

Жан-Луи делает знак своим трем приятелям, чтобы те подошли. Не успеваю я моргнуть глазом, как все четверо окружают меня с явным намерением хорошенько избить. Я бегу что есть сил, до потери дыхания, но они не отстают, преследуют меня. Они явно хотят покончить со мной.

И вот они настигают меня и начинают бить. Странно, но я не чувствую боли. Никакой физической боли. Все, что я ощущаю, – это их гнев. Я лишь пропитываюсь их гневом и яростью, и это действительно больно. Очевидно, это не то, на что они рассчитывали, и вскоре они меня оставляют в покое.

Почему они все так настойчиво пытаются обвинить меня? При чем здесь я, если один решил стать наркоманом, а второй застрелился! Боже, до чего же мне больно. Я задыхаюсь! Все эти крики, стоны... Я большие не могу... На помощь! Помогите же кто-нибудь!

Все меняется. Сколько времени я уже здесь? Не знаю... И вдруг я вспоминаю об этом существе, МИШАЭЛЕ. В отчаянии я кричу: «МИШАЭЛЬ! Я хочу выбраться отсюда! Где вы? На помощь!»

И сразу же откуда ни возьмись появляется МИШАЭЛЬ. Его присутствие меня успокаивает.

Я вспоминаю что-то важное и решаю поделиться этим с МИШАЭЛЕМ:

– Один клиент из Таиланда как-то рассказал мне странную историю. Как-то он попал в ужасную аварию, его отвезли в больницу, и пока хирурги боролись за его жизнь, оперируя его голову, он на несколько секунд умер. И ощутил, как движется по длинному светящемуся туннелю, в конце которого его ожидали все умершие раньше родственники. В тот момент он ощутил огромную любовь к ним, и сила этой любви была намного больше, чем все то, что он испытывал в земной жизни. Врачи его реанимировали, но этим лишь разочаровали и огорчили его. Я слушал его из вежливости, но был уверен, что вся эта история от начала и до конца – чистая выдумка. Может ли быть правдой его рассказ? И если да, то почему такого не произошло со мной? Пережить это было бы намного приятнее.

– То, о чем ты говоришь, принято называть «клинической смертью». Это не окончательная смерть, которую испытал ты. Так часто бывает. И в основном бывает с теми, кто еще не закончил свой земной путь. После такого опыта человек, как правило, меняется, и ему намного проще дается постижение истинной любви на Земле.

Увидев мой вопросительный взгляд, МИШАЭЛЬ продолжает:

– У тебя другой путь. У каждой души своя природа, своя судьба. В самом начале я говорил тебе о разных этапах, которые тебе предстоит пройти, и эти неприятные встречи – часть твоего плана. Все, с чем ты встречаешься на астральном плане, помогает тебе понять происходящее в глубинах твоей души. По мере прохождения тобою испытаний я буду объяснять тебе некоторые вещи. Будешь ли ты мне верить или нет – не важно. Просто слушай, и всё. Затем однажды всё, что ты услышишь от меня, обретет свой истинный смысл. Например, твои недавние встречи с людьми, с которыми ты когда-то был знаком и имел отношения, помогают тебе осознать, что в действительности ты испытываешь чувство вины за их несчастья.

О чем он говорит? Зачем он тратит время на объяснение того, в чем я по-прежнему ничего не смыслю?

МИШАЭЛЬ спешит ответить:

– Есть причины, которые заставляют меня помогать тебе и быть рядом. Но ты пока еще не готов услышать о них. Если решишь больше не звать меня и не подавать мне знаков, я с уважением приму твое решение. Но ты не сможешь избежать этапов, которые надлежит пройти каждой душе здесь, где ты сейчас находишься. Ты снова увидишь некоторые события твоей только что завершившейся земной жизни, и это пригодится тебе позже.

И с этими словами МИШАЭЛЬ исчезает.

— 3 —

Встреча с родителями

Какая-то сила переносит меня в город, где громоздятся разные жилища всевозможных форм и как муравьи суетятся толпы людей всех возрастов. При этом в городе странно спокойно. *Как много здесь людей! Здесь постоянно все движется и все меняется. Какое буйство красок! Но, черт побери, что это? Я вижу моих бабушку и дедушку... и двух моих школьных учителей, мсье Тальбо из младшей школы и мадмуазель Николь – из средней. Странно, но я очень хорошо их помню... А вот мой дядя Фернан. Сколько же мне было лет, когда я в последний раз виделся с ним? Около двенадцати? Мне даже не сообщили о его смерти. И куда они все направляются? Выглядят озабоченно. Интересно, они меня видят? Божже, да это же мои родители... Вон отец, вон мать... Они идут прямо ко мне. Что мне говорить им? У меня в животе все сжалось.*

В этой сцене мой отец выглядит лет на пятьдесят, хотя, когда он умер, ему было около семидесяти. Небольшого роста, худощавый, если не сказать тощий, поседевшие волосы. В последние годы жизни его глаза запали, под ними появились синие круги, что еще больше его старило. К счастью, я не унаследовал ни его глаз, ни его взгляда. Его лицо теперь не выглядит таким изможденным, как при жизни, но от него веет чем-то таким, чего при жизни я в нем не замечал. Он пристально смотрит мне в глаза, чего не было, когда я был подростком. Видимо, он просто не осмеливался; иногда мне даже казалось, что он побаивается меня. Честно говоря, когда мне было четырнадцать, я был куда крупнее его и без труда противостоял ему.

Мама, которую я вижу теперь, куда моложе той, что осталась в моей памяти. Хотя все так же старомодна, в своем любимом полосатом платъице и туфельках на шнуровке. Одевайся она более современно – была бы очень привлекательной. Я даже не сомневаюсь: во всем виноваты ее родители. Слепо веря в постулаты своей религии, они слишком строго обращались с ней. Неудивительно, что она не позволяла себе быть женственной, соблазнительной. Например, у нее никогда не было одежды, которая могла бы подчеркнуть ее достоинства, она никогда не пользовалась косметикой. А прическа... Я не помню, чтобы она хоть раз выглядела иначе: всегда тот же туго затянутый пучок на затылке. А ведь у нее были роскошные длинные волосы! Я видел их всего пару раз, когда из-за спешки она не успевала их спрятать в узел.

С момента нашей последней встречи она заметно похудела. В моем детстве она всегда была пухленькой, но когда ей было около пятидесяти, у нее начался климакс и тогда она стала полнеть по-настоящему. Еще одно везение: я не унаследовал ее склонность к полноте. Слава богу, я не смог бы жить с этим! Зато я горжусь тем, что у меня такие же глаза и каштановые волосы, как и у нее. Да и ростом я скорее в мужчин из ее рода.

Они направляются ко мне. Что же делать? Они замечают, что мне неловко. Они просто поедают меня глазами. Вот уж правда, здесь все иначе. Странно, но они обнимают меня взглядом!

Первой говорит мама:

– Ты удивлен, встретив нас здесь, Ариссьель? Мы с папой наблюдали за тобой с того самого дня, как умерли.

– Это для меня не новость. Вы контролировали меня с момента моего рождения. Но тогда я был ребенком. А теперь это просто бестактно!

Мама улыбается:

– Разве ты чувствуешь за собой какую-то вину? Не переживай, мы не осудим. Родители наблюдают за своими детьми лишь потому, что беспокоятся о них. Мы с отцом жалеем лишь

об одном: мы так и не научились понимать тебя так, как тебе хотелось. Мы бы и хотели вести себя иначе, но часто были бессильны и не знали, что значит «иначе».

– Вашей главной ошибкой было завести ребенка слишком поздно. Вам нужно было подумать об этом раньше!

Я не в силах сказать отцу, что злился на него за то, что он был слишком старым, слабым, настоящим мямлей, а маме – что она выглядела ужасно старомодной по сравнению с мамами моих друзей.

Не дожидаясь ответа, я снова погружаюсь в свои воспоминания. Когда я родился, маме было тридцать пять, а отцу – сорок один год. Согласитесь, быть единственным ребенком таких старых и старомодных родителей – то еще испытание! Когда мне было около десяти лет, у меня появился друг, который был младшим ребенком в многодетной семье. Всего у них было шестеро детей, а его родители были примерно того же возраста, что и мои, только выглядели гораздо моложе. У них всегда было шумно и весело, и мне так нравилось у них, что я ненавидел возвращаться к себе домой, где всегда царили грусть, мрак и тишина.

Кроме того, мои родители запрещали мне слушать музыку, которую я любил. Мама боялась нарушить покой соседей, а отец утверждал, что от такой музыки можно сойти с ума и оглохнуть. Надо же было такое придумать! Они дошли до того, что сказали, что этот запрет был для моего же блага: я, оказывается, был недостаточно умен, чтобы предвидеть все последствия своих действий, и мне чрезвычайно повезло, что они были моими родителями. Но я же понимаю, что думали они только о себе, иначе бы разрешили делать, что я хочу. Это моя жизнь, и мне до чертиков надоели их нравоучения и выговоры.

Например, они требовали, чтобы я рассказывал им о своих похождениях с друзьями. Но в те редкие моменты, когда я решался чем-то с ними поделиться, они начинали отчитывать меня. Они отказывались понимать, что для молодых людей моего возраста было нормой иногда заниматься, как они это называли, «дурными делами». Для них «дурными делами» были даже просто смешные розыгрыши, которые мы с друзьями устраивали. Хорошо еще, что у меня в школе всегда было много товарищей, иначе бы я наверняка превратился в такого же брюзгу, как и они.

Ну а мое имя?! АРИССЬЕЛЬ! Его подарила мне мама. Она была так сильно тронута героем одного фильма, что решила назвать в его честь своего первенца. Ей нужно было хорошенько подумать! Зачем давать собственному ребенку такое странное имя? Но она так радовалась, что наконец стала матерью, а отец не решился ей противоречить. Он первым и начал называть меня просто Ари. Затем, по его примеру, так стали называть меня все, кроме матери. Она всегда торжественно и упрямо звала меня Ариссьель. Уверен, что она делала это специально, чтобы позлить меня.

Как смешно они выглядят! Кажется, они действительно рады меня видеть, чего не могу сказать о себе. Они умерли лет двадцать назад, и с тех пор я почти никогда о них не вспоминал.

Они ушли друг за другом, с интервалом в три месяца. Первой от сердечного приступа умерла мать. Она не смогла придерживаться рекомендаций своего доктора, который рекомендовал ей сбросить вес; это ее и убило. Я как раз был в командировке на другом конце света и не смог вовремя приехать. Мона присутствовала на похоронах от моего имени, чем очень меня порадовала. Терпеть не могу, когда кто-то плачет; чужие слезы меня просто изматывают.

Вернувшись домой, я позвонил отцу, пообещал скоро приехать, как только найду для этого время, но... Но времени все не находилось, а затем, три месяца спустя, умер и он. Мы так и не смогли с ним повидаться. Бедняга, он долго оставался наедине со своим горем. Один сосед, встревоженный длительным отсутствием отца, обнаружил старика лежащим в постели через несколько дней после смерти. На этот раз я был неподалеку, в Квебеке, и Мона позвонила мне с требованием немедленно возвращаться домой. Она раздраженно заявила: «Твой отец был в ужасном состоянии, когда нужно было организовывать панихиду по твоей матери. Тогда мне пришлось все взять на себя. Но с меня довольно! Теперь твоя очередь, Ариссьель Лабонте. Тело твоего отца увезли в морг больницы Мон-Лорье, и тамошнее начальство желает знать, когда ты заберешь его».

Когда я позвонил в больницу, чтобы предупредить о своем приезде и попросить подготовить документы для подписи, мне посоветовали не смотреть на труп: он уже начал разлагаться. Как же я обрадовался: это было настоящим облегчением! Не переносу больницы, больных людей, а тем более мертвцов. В похоронном бюро мне порекомендовали хоронить тело в закрытом гробу, и меня это вполне устраивало. Все прошло отлично. На следующий день, по настоянию Моны, священник провел панихиду, после чего мы похоронили отца рядом с могилой матери.

И вот я смотрю на них обоих. *Что происходило с тех пор, как они умерли?* Не успел я это подумать, как они наперебой стали рассказывать мне, как многому научились благодаря своему проводнику и как они рады снова обрести семью. Оказалось, самое большое их разочарование связано со мной: они испытывают чувство вины за то, что не умели любить меня так, как мне хотелось, и им стыдно, что я разочарован в них.

Первой об этом говорит мама:

– Я знала, что ты стыдишься нас, хотя ты никогда об этом не говорил. Для тебя мы были старыми и не такими современными и модными, как ты бы хотел. Меня ты считал еще и слишком толстой, я понимала это по твоему взгляду. Я чувствовала себя униженной. Я пыталась уговорить себя, что ты еще слишком молод и время расставит все на свои места. Но время ничего не меняло: чем старше ты становился, тем сильнее отдалялся от нас.

А папа добавляет:

– Я читал твои мысли. Я знал, что ты чувствуешь по отношению к матери. А еще я знал, какую боль ей причиняют эти твои чувства. Я так сильно злился на тебя, что готов был убить. Я боялся потерять самообладание, и мне было проще молчать. Каким же неблагодарным ты мне казался! К счастью, с тех пор, как мы сюда попали, мы научились состраданию. Наши проводники привели нас к пониманию, что мы любили тебя, как могли, хотя и чувствовали, что не способны тебе нравиться.

Не останавливаясь, он продолжает на одном дыхании (*можно подумать, он пытается отыграться за все годы, что молчал и не мог высказать все, что в нем накопилось*):

– Вот почему мы наблюдаем за тобой с тех пор, как оказались здесь. Наши проводники посоветовали отпустить ситуацию и заняться своим личным развитием. Но, правду сказать, до сегодняшнего дня это было невозможно. Мы с твоей матерью видели, как сильно ты разочарован жизнью. С тех пор как мы попали сюда, мы многое увидели и познали. Теперь мы знаем, что многие люди ищут счастья не там, где нужно. Таков их удел. Тебе удалось достичь успеха в бизнесе. Мы гордимся твоими достижениями, но здесь нам стало понятно, что побег в работу

– это лишь способ не чувствовать происходящее глубоко внутри тебя, там, где страдала и по-прежнему страдает твоя душа.

– Да как вы можете мне такое говорить? Как вы можете утверждать, что я не был счастливым? Откуда вы знаете? Я был успешен в жизни, и кому, как не мне, знать это? Каждый раз, когда мне удавалось заключить крупную сделку, я гордился собой. Когда я смог позволить себе роскошный дом и каждый раз, когда в него возвращался... Когда я позволял себе люксовые путешествия первым классом, я был счастлив. Когда у меня появились деньги, чтобы покупать себе все, что я хотел, я был счастлив. И когда я знакомился с очаровательной девушкой, которая соглашалась провести со мной время, я был счастливейшим из мужчин. Да я везунчик по сравнению с другими!

Эти двое поочередно объясняют мне, что в мире душ физического тела человека не видно. Оно воспринимается сквозь призму других тел, которые называют «тонкими», то есть через то, что человек излучает на эмоциональном и ментальном планах.

– Здесь, – говорят они, – не получится обманывать себя, как на Земле. Здесь все обнажены и открыты. Мы пристально за тобой наблюдали и благодаря этому осознали, что существуют разные реальности. Наши проводники очень хотели перевести нас в другое, еще более благотворное для нас измерение, и они даже показали нам, как там все устроено. Но нам объяснили, что мы не сможем попасть туда, пока так сильно привязаны к тебе. Со временем ты сам убедишься в этом: с этого плана, на котором мы сейчас находимся, можно наблюдать за всем, что происходит на Земле. На других же планах душа в основном учится творить себе лучшую жизнь после очередного возвращения на Землю.

Мать добавляет:

– Ты сейчас говорил, насколько ты был счастлив. Но от тебя скорее исходят грусть и гнев на самого себя. Ты действительно был счастлив, оставаясь в одиночестве в твоём роскошном доме? Возможно, до того как ты принял решение расстаться с женой, у тебя было немало приятных семейных вечеров. Но они случались все реже и реже, правда? Припоминаешь? Гордишься ли ты собой, зная, что на протяжении многих лет твои дети отказывались общаться с тобой? А вспоминая свое отношение к Моне и другим женщинам, встречавшимся на твоём пути, действительно ли ты счастлив?

Ну вот, похоже, они убеждены, что знают меня лучше, чем я сам себя!

Снова в разговор вступает отец:

– Все это богатство и твои деньги, которыми ты так гордился, которые были смыслом твоей жизни и давали тебе ощущение счастья, – для чего они тебе сейчас? Твоя семья ими не пользуется. Помнишь, о чем ты думал и что чувствовал, сидя в одиночестве в ресторане перед тем, как тебя убили? Ты так грустил, в тебе было столько сожаления и раскаяния! А сейчас ты попал в мир душ. Здесь ты сможешь осознать пережитый опыт и научиться вести себя иначе в твоей следующей жизни. Всем нам нужны такие осознания, иначе мы не сможем измениться.

Я возражаю:

– Если вы испытываете чувство вины, это совершенно не значит, что я тоже должен чувствовать себя виноватым, как и вы. Я старался изо всех сил, делал все, что мог. И я не виноват в том, что мои дети и все женщины, которых я встречал на своём пути, оказались такими неблагодарными. Они так и не поняли, чем я жертвовал ради них. Им хотелось, чтобы я принадлежал им полностью.

Отец улыбается:

– Ты по-прежнему ничего не хочешь слышать, ты закрыт и защищаешься, сынок. Если захочешь, мы могли бы друг другу помогать в будущем. Я ведь верил, что мое чувство вины поможет мне думать о себе лучше или вести себя иначе... Почему бы и тебе не признать, что ты тоже иногда чувствуешь себя виноватым?

Мать обращается к отцу:

– Помнишь, дорогой, как часто наши проводники повторяли нам, что чувство вины вредит освобождению и истинной свободе... Мы же ничем не отличаемся от нашего сына: он сопротивляется тому, что говоришь ему ты, а мы сопротивлялись советам наших проводников. Вместо того чтобы учиться чему-то новому, мы предпочли сохранить связь с сыном. К счастью, эти привычки можно изменить в любой момент. Я готова учиться, но хочу делать это вместе с тобой. Как думаешь, мы можем и дальше развиваться вместе?

Вдруг появляется МИШАЭЛЬ. Он сообщает, что, пока у нас есть желание развиваться и совершенствоваться, всегда есть надежда, что на нашем пути появится кто-то, кто захочет протянуть нам руку помощи. Он объясняет моим родителям, что при желании они могут принять решение вернуться на Землю вместе и одновременно со мной. Для каждого из нас троих это будет отличная возможность взаимопомощи для постижения истинной любви.

Он добавляет:

– Вы говорили о чувстве вины. Вот что я могу посоветовать, чтобы вам помочь: как только почувствуешь себя виноватым, постарайся понять, каким было твое намерение. Хотел ли ты причинить кому-то боль или навредить? Или же ты старался поступить как можно лучше согласно твоим знаниям, способностям, а главное – пределам?

И заканчивает на высокой ноте:

– Когда люди перестанут испытывать чувство вины по любому поводу, на Земле наступит рай. Мы сможем наслаждаться этим и жить в истинной любви.

Опять он про истинную любовь! Этот МИШАЭЛЬ, похоже, такой же ограниченный, как и мои родители. Бог ты мой, что это еще за истинная любовь? Оставит он меня наконец в покое с этими глупостями? Но почему он так пристально рассматривает меня? И почему он улыбается, особенно сейчас, когда я про себя называю его упрямым?

Заметив мой недоверчивый и вопросительный взгляд, МИШАЭЛЬ подводит итог:

– Пройдет еще немного времени, и все, что я говорю, обретет для тебя смысл. Затем он исчезает, оставив меня в полном замешательстве.

— 4 —

Двое детей

Теперь у меня больше нет доступа к тому, что происходит на астральном плане, и мне снова открывается видение событий земных. Я вижу все одновременно и постепенно начинаю привыкать к новому способу восприятия людей, вещей, событий. Мои родители оказались правы. Мне стоит лишь мысленно направить на что-то свой взгляд, и я обретаю возможность видеть это.

Странное явление... От предметов, а особенно от людей, исходит некое радужное, переливчатое сияние. Может, это и есть «энергия, которую излучают люди»? Когда-то мне рассказывали об этом. Но вот мне снова становится нехорошо. Только что я чувствовал себя превосходно, а спустя лишь мгновение у меня предчувствие какой-то надвигающейся катастрофы. Это так неожиданно! *Что же делать? И почему нет никого, кто мог бы подготовить нас к таким вещам еще при жизни?*

Мысленно я возвращаюсь к своему дому, самолету, яхте. *Что станет со всем этим имуществом, ради которого я работал как проклятый? А с моими иностранными инвестициями? Их у меня больше чем на миллион, да еще вклады на банковских счетах! Больше всего меня волнует депозит на Каймановых островах. В моем детстве мне рассказывали, что БОГ добр и справедлив. Но сейчас я в эту ложь не верю. У меня есть доказательства, что это заблуждение. Жизнь очень несправедлива, в ней нет места БОГУ. Так что же будет с моим богатством? Смогут ли мои дети воспользоваться всем этим добром? И почему я не послушался нотариуса? Ведь он же говорил мне насчет завещания!*

Через мгновение мое внимание устремляется к Бену и его спутнице Диане. Я вижу, как в дешевой меблированной квартирке они заканчивают ужинать и говорят о будущем. Похоже, они очень счастливы! Бен по-прежнему выглядит как вечный подросток. Вот, поглядите, он только что рухнул в кресло как комок мягкого теста. *Сколько раз я говорил ему держать осанку! У него мои волосы, а глаза такие же темные, как у матери. Не могу понять, от кого он унаследовал все остальное. Он слишком худой. Как и прежде, одет очень небрежно. И как только его жена терпит это? Что? Я сказал «его жена»? Я даже и не знал, что он женат. Конечно, приглашения на свадьбу я не получал, откуда бы мне знать? Да, все-таки сын у меня неблагодарный!*

Они совершенно не догадываются, что я слежу за ними. *Слава Богу, что при жизни я не догадывался, что за нами могут вот так наблюдать без нашего ведома!* Бен нежно обнимает Диану, а она смотрит на него исполненным любви взглядом. Какая же она милая, эта женщина! Зеленые глаза и белые кудри, обрамляющие кругловатое личико... Что сказать, настоящая кукла. У нее простой наряд и простая прическа. Волосы скручены в плотный пучок на затылке, совсем как у моей матери. Будь у нее чуть побольше вкуса, Диана могла бы быть куда привлекательнее.

Она беременна, я чувствую это, хотя внешне это пока не заметно. На ней длинная футболка и джинсы. В этом наряде она выглядит очень молодо. Внезапно я замечаю чье-то присутствие, какую-то форму, которая кружится над ней. Больше всего это похоже на белое облачко, которое иногда приближается к Бену, но потом снова возвращается к ней. *А что, если это ребенок? Боже мой! С каждой минутой все больше сюрпризов! Я смущаюсь, но не могу сдержаться, чтобы не понаблюдать за тем, что будет происходить в квартире моего сына.*

Диана работает адвокатом в одной конторе. Бен же сейчас безработный, и, по правде сказать, я так и думал. Диане он говорит, что ему не терпится найти новую работу, и добавляет, что больше не намерен работать официантом и что на самом деле он рад своему увольнению в

самом начале мертвого сезона. Он хочет найти работу, где мог бы в полной мере реализовать свой талант художника, но пока не знает, на чем остановиться.

Он только и умеет, что оправдываться! Как же это низко и стыдно – жить за счет женщины! Я бы никогда не рискнул так вести себя с Моной. Не могу поверить, что это ленивое создание – мой собственный сын! Эх, если бы я только мог, я бы ему сейчас всыпал как следует! Где он только этого набрался? Это точно не мое воспитание!

Но его жену это, кажется, совершенно не беспокоит. Она просто занимается своей карьерой. Да уж, мир сошел с ума. Вы представляете, она не возражает, чтобы он ждал, когда ему подвернется работа по душе. Денег у них немного – это и понятно, достаточно лишь посмотреть на их жилище, – но я думаю, это их несколько не смущает.

Бен говорит Диане:

– Помнишь, мы говорили о переезде, когда ты узнала, что беременна? Это решенный вопрос. Ребенок родится лишь в начале августа, так что у нас еще есть время, чтобы все хорошенько организовать к его появлению. Новое жилье нужно найти к июлю, и это мы не можем откладывать. Пока тебя не было, я присмотрел квартиру в Розмоне. Уверен, тебе понравится. Хочешь, завтра съездим поглядим вместе? Это пять комнат в частном доме, дом не очень новый, но хозяйка приятная. Она говорит, что давно хотела поселить у себя именно молодую семейную пару. Они с мужем так и не смогли завести детей и думают, что им будет приятно слышать смех нашего малыша. Сами они живут на первом этаже, а нас хотят поселить на втором. Она даже разрешит нам пользоваться задним двором, где мы сможем гулять с ребенком.

– Пять комнат! Наверное, это дорого?

– Нет-нет, не очень. Я все просчитал. Мы как раз укладываемся, и я даже смогу оборудовать мастерскую в одной из комнат. Может, мама сможет одолжить мне денег на обустройство, а потом я буду брать заказы и зарабатывать как художник или скульптор. Что думаешь об этом? И я смогу оставаться с ребенком дома, как мы и планировали.

Диана смотрит на него с любовью и восхищением, а затем отвечает с ноткой неуверенности в голосе:

– Бенани, дорогой, ты меня удивляешь, правда. Ведь ты же ненавидишь принимать решения, а планировать бюджет – это вообще не твой конек! Ты уверен, что все учел, ни о чем не забыл? Позволь мне взглянуть на твои подсчеты. Я доверяю тебе, не сомневайся... Но поскольку обычно такими вопросами занимаюсь я, позволь мне хотя бы взглянуть, что у тебя вышло...

Надо же, не только его мать, но и жена называет его Бенани. Однажды он заявил, что его имя нормально звучит только из уст матери, а для остальных он Бен, ему так больше нравится... Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает.

Диана сверяется с расчетами, и ее, кажется, все устраивает. Она обнимает Бена и воодушевленно заявляет:

– Я так рада! Я сразу поняла по твоим глазам, дорогой, что для полного счастья тебе нужно именно это. Ты так талантлив! Как же ты здорово придумал: обустроить мастерскую дома! Давай поедем и посмотрим эту квартиру прямо сейчас. На метро до Розмона рукой подать, мы будем там уже через полчаса.

– О, как же я рад, что тебе понравилась моя идея! Вот увидишь, ты не пожалеешь об этом.

Бен сияет от удовольствия. Он торопится предупредить по телефону хозяйку квартиры о своем приезде, после чего они с Дианой выходят из дому.

А я думаю о своем огромном доме, таком роскошном и уютном, меблированном с таким вкусом! А еще – о своей великолепной коллекции картин. Они бы гордились мной, узнав, как много добра я скопил. Возможно, Бен понял бы, что мог бы владеть намного большим, стоило ему только захотеть. И все же я всей душой надеюсь, что нажитое мной имущество достанется моей семье. У меня разрывается сердце при мысли, что все это может уйти в какой-нибудь

благотворительный фонд. Кто знает, какова дальнейшая судьба всего того, что попадает в лапы этих организаций!

Уходящие мгновения здесь обретают совсем другой смысл. Внезапно я понимаю, что у меня больше нет желания смотреть на часы, хотя, находясь на Земле, я делал это постоянно. Значит ли это, что я теряю ощущение времени?

Теперь мой взгляд прикован к моей дочери Карине. Она не замужем и живет в шикарной квартире в центре Монреаля. Судя по тому, как она одета, дела у нее идут просто превосходно. Она замыкает свою квартиру и направляется к машине. *Надо же, какое совпадение! У нее тоже «Мерседес». Но более старая, менее просторная модель. Я бы сказал, что она выглядит как подержанная. В любом случае, для молодой одинокой девушки это все же достаточно дорогостоящая машина.* Карина обладает природным вкусом. По крайней мере, мне лестно осознавать, что эта девушка – моя дочь. На ней прекрасный костюм бирюзового цвета, который очень выгодно подчеркивает красоту ее выразительных темных глаз. Ансамбль дополняет шелковый двухцветный шарф, повязанный на шее и развевающийся по спине. У нее светло-каштановые волосы с отдельными золотистыми прядями. Для стрижки средней длины идеальное сочетание тонов! Мать привила ей уверенный тонкий вкус и отличное чувство цвета. Ей достаточно лишь подвести карандашом глаза и слегка припудрить персиковую кожу, и вот она уже сияет! *Не удивительно, что редкий мужчина не обернется ей вслед.*

Я всегда тонко чувствовал красоту, и в этом смысле Мона меня больше чем устраивала. Где бы я ни находился, я всегда рассматриваю женщин, это сильнее меня. И, признаюсь, Карина соответствует всем критериям, по которым я оцениваю представительниц прекрасного пола.

Вот она ищет ключи от машины, делая вид, что не замечает тех двух парней, наблюдающих за ней. Судя по всему, мужские взгляды для нее – привычное дело. Она садится в машину и думает: «Все мужчины одинаковы. Все, о чем они способны думать, – это секс. Я чувствую это, вижу это в их взглядах. Главное, не нужно их обнадеживать». Ах, вот почему она притворяется, что безразлична к ним.

Она очень красива, но в ее глазах глубокая грусть. У нее назначена в ресторане встреча с Барбарой, ее подругой и коллегой, и она едет прямо туда. С ходу заказав два мартини, Барбара начинает разговор:

– Что-то ты сегодня сама не своя. Выглядишь, будто не спала всю ночь. Какие-то проблемы?

Карина кивает головой. Она смотрит на свое кольцо, вертит его во все стороны.

– Хочешь поговорить? – настаивает Барбара.

Карина не решается. Она открывает сумочку, достает сигарету и не спеша прикуривает. *Она все еще курит, странно.* Она хотела бросить, понимая, как это вредно для здоровья. По крайней мере, так она утверждала. Но она постоянно оттягивала этот судьбоносный момент, оправдываясь тем, что курение помогает ей бороться со стрессом. Курит она нервно, да это и понятно. Не только я, но и ее мать с братом, мы все были шокированы, застав Карину с первой сигаретой в руках, когда ей едва исполнилось шестнадцать лет. *Кстати, а почему она вообще начала курить?*

После паузы, которая показалась мне вечностью, моя дочь все же решает довериться подруге:

– Я расскажу тебе все как есть, но пообещай, что ты ни слова об этом не скажешь в офисе. Главное, не хочу, чтобы узнали мужчины. Ты же знаешь, им нельзя доверять. Знаешь, что случилось? Кристиан бросил меня.

После паузы, со слезами на глазах, она продолжает:

– Не могу поверить. Мы строили планы на будущее, мы даже собирались купить дом, съехаться и начать обустраивать наше гнездышко...

– Да что ты говоришь! Как мне жаль... – сочувствует подруга.

Один Бог знает, чего Карине стоит сдерживать рыдания. Она глубоко вздыхает, утирает слезы и снова вздыхает. Ей удается взять себя в руки, и она продолжает свою грустную историю:

– Ты не поверишь! Вечером он еще остается у меня на ночь, а на следующий день, когда я уйду на деловую встречу, он собирает свои вещи и, не сказав ни слова, исчезает. Вернувшись, я обнаруживаю на столе ключи и вот эту записку.

Она роется в сумочке и достает оттуда смятый листок бумаги. Записку она передает Барбаре.

– Вот, почитай!

Секундное колебание, и Барбара читает:

– «Дорогая Кари, мне жаль, но я пока не чувствую, что готов к серьезным отношениям. ПРОШУ ТЕБЯ, ПОЖАЛУЙСТА, не звони мне, не ищи меня, мне нужно время, чтобы все обдумать. Я сам позвоню тебе через три месяца и сообщу о своем решении. Мы провели вместе два прекрасных года, и я тебе очень благодарен за это время. Целую тебя и желаю много-много счастья. Ведь ты заслуживаешь быть счастливой. Кристиан».

Барбара поднимает взгляд и, наблюдая за своей подругой, едва сдерживающей слезы, заявляет:

– Ну и подлец! Ну и трус! Не мог просто поговорить с тобой, посмотреть тебе в глаза и сказать прямо, что думает? Сегодня все мужчины одинаковы. Вот почему я ничего и слышать о них не хочу. Разок побывала замужем, и с меня довольно. К счастью, у нас не было детей, без них развестись – раз плюнуть.

Ну и подруга у нее! Почему эта Барбара не пытается ей хоть как-то помочь? Кажется, она не очень-то расположена к мужчинам. Надеюсь, у Карины хватит ума не поддаваться ее влиянию. Если она захочет помириться с Кристианом или встретить другого мужчину, такие советы подруги ей точно не помогут!

– Барбара, пожалуйста, не отбивай мне охоту! Я действительно хочу выйти замуж и построить семью с любимым мужчиной! Но, черт возьми, как же сегодня редко встречаются такие, на кого можно положиться!

Она до сих пор говорит свое «черт возьми!». Это выражение очень веселило меня, когда она произносила его, будучи еще ребенком.

– Мне 28 лет, – продолжает Карина. – Ты действительно уверена, что все мужчины одинаковы? Я до сих пор продолжаю верить, что это не так. Хотя у меня же были разные отношения, и все они заканчивались одинаково: парни боялись взять на себя обязательства и пожалеть о потере свободы или о совершенной ошибке. А у некоторых резко просыпалась потребность переосмыслить свое будущее... Что касается Кристиана, как же я не догадалась раньше? В последнее время я замечала, что стоило мне заговорить о нашем переезде, как он менял тему или отвечал очень уклончиво. В последний вечер я заметила, что он был чем-то озабочен. Конечно, я спросила, что происходит, но он ответил, что у него проблемы на работе и он не хочет о них говорить, чтобы не портить такой прекрасный вечер.

Тогда я подумала: хорошо, лучше мы поговорим о наших планах, это поможет ему отвлечься от неприятных мыслей. И предложила ему отправить заказное письмо об отказе от аренды его квартиры. У нас было всего три месяца, чтобы найти новую квартиру или небольшой домик. Времени было мало, решать нужно было быстро. Я даже предложила ему отпро-

ситься на работе, чтобы мы могли вместе посмотреть несколько квартир, и среди прочего – интересные варианты домов, о которых мне говорили сотрудницы на работе... Знаешь, я предложила ему поехать со мной. Я же была готова строить с ним планы. Моему счастью не было предела! Я так мечтала вить гнездышко вместе с ним, что даже не обратила внимания на то, как он отреагировал. А он все колебался, говорил, что не уверен, сможет ли он отпроситься, а потом успокаивал меня и снова обнадеживал... Затем он стал торопливо рассказывать мне о семейных проблемах своего брата, о том, что тот вместе с женой записался на курс психотерапии...

– Все правильно! Когда он понял, что ты готова связать с ним жизнь и даже купить дом, он испугался и сбежал как заяц. Ты ни в чем не виновата. Знаешь, даже лучше, что это произошло сейчас. Представь, если бы он вот так пропал, когда у вас было бы полно обязательств друг перед другом. Дети, в конце концов. Это было бы в тысячу раз хуже. Я уже не говорю о том, что твое разочарование от потери идеального мужчины было бы гораздо сильнее, чем сейчас! И после всех этих неприятных историй ты все еще хочешь выйти замуж?

Карина все так же нервно прикуривает новую сигарету и отвечает, глядя в потолок:

– Не сразу, но когда-нибудь – да, хочу! Я хочу жить иначе, чем моя мама. Первое время после свадьбы они с папой были очень счастливы, но скоро самой большой любовью отца стала его работа. Она была важнее семьи, его родителей, жены и даже важнее нас, детей. Мама говорит мне, что так ведут себя не все мужчины и что не нужно отчаиваться. Ты знала, что сейчас мама живет в Ванкувере? С прекрасным мужчиной. Они познакомились три года назад, и их отношения становятся все крепче. Мы часто ездим друг к другу в гости. Ее мужчина, Петер, очень полюбил Квебек...

Карина вздыхает, смотрит на Барбару печальными глазами и продолжает:

– Мне грустно, что теперь придется все начинать сначала. Кристиан написал, что через три месяца позвонит мне, но я на это не рассчитываю. Даже если бы он предложил снова сойтись, я бы уже не смогла доверять ему.

Черт побери! Ну почему женщины все усложняют? Как можно терять доверие к мужчине только потому, что он хочет хорошенько все обдумать и взвесить? Разве это, наоборот, не показатель разумного подхода к делу? А может быть, мужчины иначе относились бы к своим женщинам, если бы те им больше доверяли? Мне жаль Карину. Такая красавица и такая одаренная: отличная партия! Почему мужчины не видят этого? Да, современных парней не понять. В наше время мы просто женились, и все тут. Мой брак не выдержал испытаний, это правда. Но так бывает, люди иногда расстаются: человек имеет право ошибаться. И все-таки мы с Моной прожили вместе двадцать пять лет, а это, согласитесь, немалый срок! Как по мне, достойный средний срок для пары, которая не раздумывала над своим решением годами.

Как же это злит меня! Не буду больше смотреть! Ведь самое ужасное – то, что я ничего не могу сделать, чтобы как-то вмешаться в ситуацию или повлиять на нее.

Когда я думаю о богатстве, которое накопил на Земле, о прекрасных путешествиях в дальние страны, которые я мог бы совершить... Мог бы... Если бы я знал, что все так внезапно закончится, я бы не мелочился! Все-таки жизнь – ужасно несправедливая штука.

Несколько месяцев назад я познакомился с очаровательной женщиной по имени Луиза. Знай я о своей близкой кончине, я бы почаще приглашал ее с собой в поездки. У нас было много общего. И даже в постели она была восхитительна, мы подходили друг другу. Если бы я так сильно не опасался, что ей больше нужен не я сам, а мои деньги, то расслабился бы и позволил себе поддерживать с ней прекрасные отношения. Но я быстро положил конец нашим встречам, едва узнав о том, что у нее есть трое детей, двое из которых были еще школьниками. К тому же ей с трудом удавалось сводить концы с концами. Бывший муж исчез из ее жизни много лет назад и никогда не утруждал себя материальной заботой о ней и их детях. А вешать на себя чужую семью мне не хотелось.

О, я вижу Луизу. Она прогуливается по тропинке и сияет, вдыхая весенний воздух. Палящее солнце растапливает снег, который блестит ослепительными бликами. Я ничуть не удивлен, видя ее на свежем воздухе. Она рассказывала мне о своей страсти к прогулкам: они помогают ей успокоиться. Тогда я не понимал, что она имеет в виду, а теперь понимаю. Сейчас я все вижу в ином свете, и сюрпризов становится все больше и больше.

На ней черные брюки и черно-белый вязаный кардиган. У нее действительно красивая фигура. Она останавливается на берегу небольшого озера и присаживается на скамейку. Затем она вынимает из сумки книгу. *Выглядит она очень умиротворенной. Не могу представить себе, чтобы я вот так же, как она, прогуливался по улицам среди рабочей недели. Я никогда не знал лени, иначе не смог бы стать таким успешным.*

Припоминаю, Моне тоже нравилось наблюдать за природой. Она никогда не жалела на это времени. Особенно ее радовали и восторгали рассветы и закаты солнца. Я тогда выговаривал ей:

– Как можно просто так сидеть и смотреть в никуда? Ты подаешь плохой пример детям. Из-за тебя они ничего не хотят делать по дому, ты приучаешь их к лени.

Эти слова выводили Мону из себя, она тут же резко возражала:

– Тебе тоже не помешало бы научиться расслабляться и любоваться природой, для твоего же блага. Ты стал похож на робота. Да, иногда я молчу или праздну провожу время, но это помогает мне успокоиться. В такие моменты рождаются новые идеи для моих картин и моих цветочных композиций. То, что ты называешь ленью, я называю моментами восстановления, восполнения энергии.

Увы! Как правило, мне удавалось найти аргументы, чтобы донести свою точку зрения, но не в этом случае. Хотя справедливости ради нужно добавить, что ей так и не удалось переубедить меня насчет лентяев и бездельников.

Мысленно я снова возвращаюсь к Луизе. Листая страницы своей книги, она то и дело отвлекается, чтобы полюбоваться деревьями. Поднимая глаза к облакам, она о чем-то глубоко задумывается. При этом она глубоко дышит и улыбается. Кажется, она не торопится прогуливаться. *Как хорошо, что я отказался от серьезных отношений с ней, иначе у нас повторилось бы все то, что было с Моной. Она бы постоянно пыталась убедить меня жить так, как кажется правильным ей. Но правда в том, что та женщина, которая могла бы меня переубедить в чем-либо, еще не родилась. Совсем недавно я сожалел, что наши отношения не зашли дальше ни к чему не обязывающих встреч, но теперь убежден, что принял единственно верное решение.*

Что же теперь со мной будет? Ну и жизнь! Выходит, я приговорен к тому, чтобы беспомощно смотреть на других, не в силах что-либо изменить? А что, если мне уготована такая участь навечно? Это же так мучительно, я больше не могу! Наверное, именно это место у священников называется адом? Или чистилищем? Как бы то ни было, это точно не небеса. Все эти религиозные басни у меня ничего, кроме тоски, не вызывают. Радуется, что я со всем этим покончил еще в молодости. Хотя, возможно, там была и доля истины... Но теперь слишком поздно: я почти ничего не помню из того, что слышал в церкви. Интересно, если бы я был более внимательным тогда, в детстве, сегодня мне бы это хоть как-то помогло?

Размышляя о церкви и священниках, я вдруг замечаю собор неподалеку от квартиры моего сына и невестки. Диана только что зашла в церковь и остается здесь какое-то время, благодарит Святую Деву Марию за помощь в выборе квартиры. Они таки подписали договор

аренды той квартиры, прямо на следующий день после ее просмотра. Владельцам молодая пара сразу же понравилась. И вот теперь перед святым образом Мадонны Диана просит поддержать ее во время первой беременности, а главное – помочь ей стать хорошей мамой малышу.

Ну и дела! Неужели современная молодежь еще ходит молиться? Не могу поверить своим глазам! Ну и кто-то же до сих пор зажигает свечи... Вот Диана зажигает еще одну свечу и проговаривает новую молитву. Так всегда делала моя мама, и тогда мне казалось, что все эти смехотворные ритуалы придуманы специально для стариков. Но Диана, кажется, искренно и с любовью обращается к Святой Деве. Не зря же она ставит свечу прямо рядом с фигуркой Марии. Затем, улыбающаяся и спокойная, она выходит из собора, напевая мелодию, которая сопровождает ее по пути домой.

Стоит мне подумать о ком-то, как я тут же вижу этого человека. Да уж, все интересней и интересней. О чем бы таком приятном мне подумать? Просто из любопытства, например, а еще – чтобы узнать, как это работает, а главное – как долго это будет работать! Шампанское и милая мадмуазель на пляже в Акапулько? Ну а почему бы и нет?

И вот я уже на террасе роскошного отеля, в котором останавливался три года назад. В нависшем над морем ресторане сидит великолепная женщина. Она осматривается, время от времени нетерпеливо поглядывая на часы. В ведерке со льдом охлаждается бутылка шампанского. *Она ждет меня, она догадалась, что я обожаю шампанское. ОГО! Ну и удача! Что происходит? Она что, глухая и слепая? Я кричу, и даже трясу ее, но все зря: она совершенно не реагирует на меня. Она продолжает задумчиво смотреть на море. Постой, так ведь уже было: когда меня убили, я тщетно пытался докричаться до полицейских. Черт побери! Зачем это нужно – все видеть, все слышать и всего хотеть?*

— 5 —

Известие о несчастном случае

Прошло лишь несколько часов с момента моей смерти, однако... Что-то странное здесь творится со временем. Закаты солнца и рассветы, например, другие. День и ночь – тоже. Но на Земле жизнь идет своим чередом. Ничего не понимаю...

Мысленно возвращаюсь к своему имуществу. И тут же вижу двоих полицейских, которые возьмется в моем доме, пытаясь установить связь между мной и грабителями. Ведь следствие установило, что мой автомобиль был обнаружен совсем рядом с банком. А еще они хотят связаться с членами моей семьи, чтобы сообщить им о случившейся трагедии. Одному полицейскому удастся получить доступ к адресной книге моего компьютера, и он сообщает:

– Знаешь, а этот Лабонте не из бедных... Ты видел его компьютер? Я знаю не так уж много людей, кто может себе позволить такую роскошь. А ты?

И, не дожидаясь ответа, продолжает:

– Хорошо, что я недавно научился пользоваться этой штукой, иначе нам бы потребовалась помощь специалиста и следствие заняло бы еще больше времени. Ну и дом, посмотри! Интересно, кому он достанется, кто наследник? Похоже, он жил один. Ага, вот здесь есть записка, она адресована мсье Лабонте.

Он читает найденную на столе записку, бормоча под нос, а затем обращается к коллеге:

– Это от домработницы. Удивляется, что хозяин не оставил ей, как обычно, чек. Сейчас позвоню ей, сообщу о случившемся. Наверное, она сможет прояснить обстановку.

Они уходят. Теперь они в отделении полиции, звонят по телефону. Сначала связываются с моей домработницей и просят рассказать им все, что ей известно о господине Лабонте, который, как они объяснили, попал в аварию. Увы, о личной жизни хозяина ей не известно ничего, кроме того, что он живет один и часто принимает у себя разных женщин.

– Я, скажу вам откровенно, могу сразу же определить – по аромату духов или по забытым вещичкам, – когда время от времени в квартире бывают разные дамы. Хотя бывает и такое, что господина посещает одна и та же особа несколько раз подряд, – откровенничает она. – Я работаю на него всего лишь полгода, но мне известно, что частенько он уезжает в командировки. Когда я прихожу, обычно мне нужно лишь немного протереть пыль. Он очень щедрый и платит мне определенную сумму раз в месяц, независимо от того, много или мало мне пришлось убирать. Надеюсь, с ним не произошло ничего серьезного? С ним все в порядке?

– Пока мы не можем ничего больше вам рассказать, мадам. Нам нужно переговорить с членами его семьи. Вы нам очень помогли, спасибо. Не возражаете, если мы позвоним вам еще, если нам понадобятся другие сведения?

– Всегда в вашем распоряжении. Скажите, а кто-то сможет заплатить мне за работу?

– Этим уже занимаются. Как только появятся новости, мы сообщим вам.

Как странно все это слушать! Не ждут ли меня здесь неприятные сюрпризы?

Затем полицейские связываются с моим адвокатом и от него узнают, что у меня есть бывшая жена и двое детей. В моей записной книжке несложно найти их номера телефонов, но, куда бы они ни позвонили, везде им отвечают, что никакого Ариссьеля Лабонте не знают.

Не знают, и ладно. При помощи огромной полицейской базы данных агенты без труда находят новые контакты Бена и Карины. Сначала они набирают номер моего сына.

– Вы Бенани Лабонте?

Получив утвердительный ответ, полицейский продолжает:

– Вы сын Ариссьеля Лабонте, который проживает в Лавале?

Я отчетливо его вижу. Конечно, услышав, как неизвестный человек называет меня Ариссьелем вместо Ари, Бен сразу же догадывается, что новость плохая. В одно мгновение у него начинает крутить живот, дыхание перехватило, в глазах потемнело.

Он отвечает:

– Да, а почему вы спрашиваете? С ним что-то случилось? Что с ним?

– Можем ли мы приехать к вам прямо сейчас? Будет лучше побеседовать с вами лично, это не телефонный разговор! – осторожно говорит полицейский.

Бен, еще больше встревоженный, соглашается встретиться.

И вот оба полицейских сидят в гостиной. Бен нервничает, кусает губы и молча ждет, когда заговорят гости. Наконец один из полицейских выдавливает из себя:

– Мне жаль, но я должен сообщить вам плохую новость. Два дня назад на улице Сен-Дени трое преступников совершили ограбление банка. Полиция их преследовала, и один из грабителей начал стрелять. К сожалению, ваш отец попал под пулю и был смертельно ранен в правое легкое. Он умер на месте. Если это может вас утешить, знайте, что он не страдал. Выражаю глубокие соболезнования вам и всей вашей семье. Будете ли вы так любезны сообщить эту ужасную новость матери и сестре?

Мой сын потрясен, у него нет слов. Наконец он выдавливает из себя:

– Да-да, я им сейчас же позвоню.

Бен погружается во мрак, не в состоянии продолжать беседу. Он даже не может задать ни одного вопроса. Он молчит, и полицейский, видя это, добавляет:

– Мы, конечно, доставили тело вашего отца в морг. Мне только нужно знать, кто из родственников приедет на опознание...

Бен настолько потрясен трагедией, что совершенно не может выдавить из себя хоть какую-то вразумительную информацию. Его самообладания хватает лишь на то, чтобы попросить у полицейских контактные телефоны и пообещать перезвонить им, как только у него появятся какие-то новости. Он провожает неожиданных гостей до выхода, возвращается и снова садится в кресло. Так он сидит долго, не двигаясь и глядя в одну точку, словно парализованный.

Вдруг он встает, направляется к стоящему в кухне телефону и набирает номер сестры. Там отвечает автоответчик, что окончательно выводит Бена из себя. Он ненавидит все эти новшества! *И в этом мы с ним очень не похожи друг на друга: я всегда в первых рядах, мне не терпится попробовать новинки техники, как только они выходят на рынок...* Он говорит, что раньше связываться с людьми было намного проще. Бен находит номер телефона агентства, в котором работает Карина, и просит срочно соединить ее с ним. Ее нет на месте, но ему обещают передать его сообщение, как только получится, и просят не волноваться: ей обязательно все передадут.

Бен ждет ее звонка, мечется по комнате, не находя себе места. Он даже думает позвонить на работу Диане... Нет, лучше матери в Ванкувер... Нет, лучше он не будет занимать линию и дождется, когда Карина сама перезвонит ему.

На него нахлынули эмоции, такие разные и такие горькие! Сначала ему хотелось кричать, а через мгновение – плакать; затем ему хотелось, чтобы кто-то обнял его и утешил, а потом он сторал от гнева. Бен был глубоко потрясен. Весь его мир перевернулся в один момент. Сначала он должен рассказать эту новость сестре. В семье она всегда считалась самой сильной и уверенной. Она решит, что делать, она все знает! Он смотрит на часы. Кажется, после разговора с секретарем агентства прошла вечность. Наконец долгожданный звонок. В трубке голос Карины:

– Мне позвонили из офиса, я как раз собиралась посмотреть одно помещение... Что стряслось? У Дианы выкидыш?

Когда ей сказали, что нужно срочно позвонить брату, это было первым, о чем она подумала. С начала беременности у Дианы уже дважды было кровотечение.

– Нет, с Дианой все в порядке, – бормочет Бен.

И после недолгой паузы, добавляет:

– Сядь, пожалуйста. Я должен сообщить тебе очень плохую новость, и это нелегко...

Несмотря на невероятные усилия, он не сдерживается и начинает рыдать.

– Бен, что происходит? Я уже давно, с самого детства не слышала, чтобы ты так плакал. Слушай и делай, что я говорю. Давай вместе подышим. Ну-ка сделай глубокий вдох, задержи дыхание, выдохни... И еще раз.

Так они выполняют вместе несколько дыханий, и Бену действительно становится легче. Он успокаивается и продолжает:

– Даже не знаю, как тебе это сказать...

– Давай, я уже большая девочка и способна выслушать что угодно.

Бен берет себя в руки и на одном дыхании выпаливает:

– С папой произошел несчастный случай. Он умер. Сейчас он в морге.

Добавить нечего. Воцарилась тяжелая, давящая тишина. На этот раз ему проще дается сдерживать слезы. Сестра всегда говорила, что мужчины не плачут, что слезы – это слабость. И хоть он едва держится, но хочет показать ей, что он сильный.

Если бы он сейчас увидел Карину на другом конце провода, он был бы удивлен. Сперва, как и он сам, она даже пошатнулась от неожиданной вести, у нее перехватило дыхание. Но она мгновенно собралась, взяла себя в руки. Вокруг нее будто выросла стена. *Бывают моменты, когда мне бы не хотелось видеть то, что скрыто от меня на Земле. Например, вот эту стену. Да, она прозрачная, но стена – это стена.*

После долгой паузы она спрашивает:

– Несчастный случай? Что ты имеешь в виду?

Бен поспешно рассказывает ей все, о чем сам недавно узнал от полицейских, и снова начинает рыдать. Резким движением Карина вытаскивает сигарету и закуривает.

– Перестань плакать, – приказывает она, выпуская дым, – это ему уже не поможет. Лично для меня он и так давно умер. И в моей жизни это событие ничего не изменит. Маме звонил? Они ведь так и не успели развестись? Значит, по закону она до сих пор его жена.

– Не звонил, хотел прежде переговорить с тобой. Нужно, чтобы кто-то съездил в морг опознать папино тело. А похороны? Кто займется ими? Боже, как же я все это ненавижу! Ну почему это произошло именно с нами?

– Перестань ныть. Такие ситуации не нравятся никому. Давай разделим задачи, хорошо? Ты поедешь на опознание, а я позвоню маме. А потом вместе решим, что делать с похоронами.

И снова все в свои руки берет Карина. Хотя реакция сестры его немного успокоила, Бен ошеломлен ее холодным и беспристрастным тоном. Потом он вспоминает о морге.

– Я бы хотел, чтобы в морг отправилась ты. Меня тошнит от одной мысли о том, что я увижу его в таком состоянии. Подумать только, он мертв уже два дня!

– Не бойся, тебе не покажут разложившийся труп. Покойников в наше время держат в холодильниках.

– Но ты хотя бы сможешь прийти к нам, когда Диана вернется с работы? Я хотел позвонить ей в офис, но сегодня у нее две важные встречи. Мы бы могли поужинать вместе и обсудить, как нам все правильно организовать.

Карина говорит, что приедет, и вешает трубку.

«Какое же он еще дитя! – думает она. – Ох уж эти мужчины... Ничего сами не могут сделать! Вечно им рядом нужна женщина, чтобы успокаивать их, чтобы решать малейшие их проблемы. Интересно, кто это придумал, что они – сильный пол? Наверное, сами же мужчины и придумали, чтобы скрыть свою слабость».

Затем, как ни в чем не бывало, Карина возвращается к клиенту. Она обязательно позвонит матери, как только закончит встречу. Карина пытается скрыть свою нервозность, но ей это удается с трудом. Ей ужасно хочется курить. Получив согласие клиента, она закуривает, но это не помогает. Теперь она злится еще и на себя: курить во время деловой встречи не в ее правилах.

Она выезжает на осмотр огромного здания, выставленного на продажу. Меньше всего ей хочется сейчас упустить такую выгодную сделку, тем более из-за отца. Если клиент согласится купить его, она получит весьма приличную сумму. Здание большое, в нем пять этажей: четыре магазина на первом и шесть квартир на остальных этажах.

Ах, как бы я хотел оказаться на месте клиента! Я бы торговался до последнего... Торговался бы с родной дочерью? А почему бы и нет? Боже, как же мне нравилось покупать и продавать недвижимость! У меня за плечами не меньше пятидесяти таких операций. И теперь, когда я был вполне готов к более крупным сделкам, надо же было случиться этому гнусному преступлению! До чего же жизнь несправедлива, черт побери! Почему кто-то решает, что кому-то пора умирать? Ирония судьбы: я всегда так сильно любил свободу и ненавидел, когда кто-то решал за меня, и вот тебе раз – именно меня так жестоко обманули.

Я возвращаюсь к своей дочери. Не спорю, она великолепна, явно разбирается в своем деле, да и вообще красивая женщина... Но ее реакция на известие о моей смерти... Я не ожидал... Меня это задевает... Прав Бен, она стала слишком холодной.

Я же ее отец! Выходит, она совсем ко мне ничего не испытывает? Если что-то и чувствует, то умеет тщательно это скрывать. Она даже не предложила Бену поехать вместе с ним. Хотя если быть честным, то все эти больницы и люди в моменты их слабости всегда нагоняли на меня тоску. Что уж говорить о встрече с покойниками... Но если я считаю свою дочь холодной и эгоистичной, выходит, что я и сам был таким? Вот окажись я на ее месте, что делал бы? Как поступил? Черт, ненавижу такие вопросы... Наверное, как и она, я бы просто вернулся на работу, сказав себе, что жизнь должна продолжаться. Теперь я лучше понимаю Мону, которая называла меня бессердечным, когда я старался не реагировать на подобные сантименты.

Теперь вместе с Беном я отправляюсь в морг. Перед выходом он звонит полицейскому, и они договариваются встретиться в этом мрачном месте. Вот он стоит в вагоне метро, его толкают со всех сторон, но он всего этого не замечает.

Бедняга, у него нет денег даже на автомобиль. В его возрасте у меня уже давным-давно была машина. Как можно вот так спокойно ездить на общественном транспорте?

И вот он на месте. В морге он впервые в жизни. Он чувствует себя ужасно, ему явно не по себе. На входе его встречает молодая женщина. Она просит его подождать, потому что полицейский задерживается. *Ах, как же он нервничает! Все время озирается по сторонам. Наконец он находит стул и решает присесть. Боже, да что с ним такое? Поставил локти на колени, обхватил голову руками... Неужели он снова собирается плакать? Бедняга, его горю нет предела. Он даже не замечает, как неудобно ему сидеть на этом стуле!*

Через десять минут прибегает запыхавшийся полицейский. Извиняясь за опоздание, предлагает Бену проследовать за ним. Он готовит моего сына к тому, что ему предстоит увидеть. Вот они уже в камере морга. Видя мое лицо, Бен едва держится на ногах. Он совсем слаб.

Неужели это я? Невероятно! Понимаю, почему он так потрясен. Я и сам себя едва узнаю. Но хотя бы все чисто, без крови.

Полицейский, привычный к подобным ситуациям, не отходит от Бена. Он берет его за руку и советует дышать глубже, предлагает выпить воды. Говорит, что это помогает справиться с сильными эмоциями. Постепенно мой сын приходит в себя. Полицейский спрашивает Бена, хочет ли он остаться со мной наедине. Сын соглашается и благодарит. Оставшись один, он резко падает рядом со мной и дает волю слезам. Затем начинает говорить со мной так, будто я могу его слышать:

– Папа, дорогой, почему нам так и не удалось услышать друг друга? Как же я хотел, чтобы ты интересовался мной, разговаривал со мной о том, как и чем я живу. Я мечтал, что когда-нибудь ты будешь гордиться мною, но кто я такой? Куда мне до тебя, я же не стоил твоего мизинца! Мне было достаточно поделиться своими мыслями или планами, которые, как тебе казалось, ставили под сомнение твои ценности, – и всё, ты переставал меня слышать. Самое ужасное было видеть, как сильно ты был разочарован мной. Все это причиняло невыносимую боль, но разве мог я с тобой об этом говорить?

Как же мне тебя не хватало! Не проходило и дня, чтобы я не думал о тебе. Я так хотел сказать тебе это в глаза, но разве я мог? Это было бы для тебя еще одним поводом раскритиковать меня. Я так старался, из кожи вон лез, чтобы ты полюбил меня за то, какой я есть, а не за то, что я делаю. Диана говорит мне, что у меня не получается оставаться собой, быть естественным, потому что я слишком сильно реагирую на тебя. А мне так страшно, что когда-то я стану таким же эгоистом, как и ты, но я не знаю, как мне поступать иначе. А еще она говорила, что мне нужно справиться со своим страхом и найти способ помириться с тобой. Она была права, и я был не против. Но все не находил времени, откладывал на потом. И вот теперь... Как же это несправедливо!

К чему эта игра? Только не нужно преувеличивать. Но почему так больно его слушать? Боже, что со мной происходит? Мои руки словно удлиняются помимо моей воли, мне так хочется обнять его, моего сына. Но у меня не выходит, это невозможно! От безысходности я чувствую ком в горле, я чувствую, как наворачиваются слезы и режут мне глаза.

Вот Бен наклоняется ко мне, целует меня в лоб, сдвигает простынь, которой я накрыт, пониже, и кладет голову мне на плечо. Его слезы медленно стекают по мне. *Что это? Что это за розовое свечение исходит от него? Неужели это от его слез? Этот розовый свет окутывает и меня самого, и это похоже на согревающий бальзам; мне очень тепло и приятно от него. Нет, правда, я уже ничего не понимаю.*

Бен совершенно измучен, ему уже нечем плакать. Очень бережно он снова накрывает меня простыней. Перед уходом в последний раз произносит «прощай, папа», затем направляется в туалет умыться от слез. В приемной его ожидает полицейский, который сообщает, что в таких случаях принято делать вскрытие. Он дает Бену подписать какие-то бумаги. Сама идея вскрытия кажется Бену дикой, но он не спорит: понимает, что выбора нет.

Бен провел в морге не больше часа, но ему кажется, что прошла целая вечность. Сначала он бесцельно шатается по улицам, а затем поворачивает к дому, вспомнив, что скоро с работы вернется Диана. Он даже не вспоминает, что за весь день ни разу не поел. И вот Диана возвращается домой – что же она обнаруживает? Она видит подавленного мужа, сидящего на стуле в кухне и уставившегося в одну точку. На столе стакан воды. Он так потрясен случившимся, что даже не слышал, как она вошла. С ним случилось что-то ужасное, это видно с первого взгляда.

– Что с тобой, дорогой? Выглядишь так, будто только что встретил призрака или узнал о чьей-то смерти...

Глаза Бена становятся влажными, но слез уже нет. Все слезы он оставил там, в морге, когда плакал на моем плече.

– Это же надо, какая у тебя интуиция! Иди, любовь моя, я тебе все расскажу. Мне так не хочется сообщать тебе эту ужасную новость, особенно в твоём положении, да еще и после

рабочего дня. Наверное, ты устала, если день прошел так, как ты и планировала... Ты правда хочешь выслушать меня?

– Конечно, дорогой, говори, тебе обязательно нужно выговориться! Ты просто в ужасном состоянии!

Бен предлагает жене пройти в гостиную, где они устраиваются в кресле, и он начинает свой печальный рассказ. Не успевает он закончить, как на пороге появляется сестра. И в таких жутких обстоятельствах она остается верной себе: безупречный наряд и макияж – всё при ней. Бен наблюдает за ней, пытается понять, что у нее внутри, но безуспешно: она отлично умеет скрывать свои чувства. Как же она не похожа на него, такого экспрессивного, такого чувствительного! Он предлагает Карине сесть напротив них и рассказывает, как все прошло в морге.

Бен подбирает тон и слова: обращаясь к жене и сестре, говорит он по-разному. С Дианой все намного проще и легче, ведь они так любят друг друга.

Но с сестрой говорить на языке чувств невозможно. Каждый раз, когда разговор становится слишком эмоциональным, ей удается сменить тему. «Какая же она черствая и холодная, – думает Бен. – Не удивительно, что ей так сложно строить отношения с мужчинами. К тому же ей, похоже, нравится выглядеть бесчувственной. А мне больно от этого. Я так сильно ее люблю, что желал бы ей от всего сердца стать более уязвимой, человечной, что ли. Она тоже в конфликте с отцом, но только проявляет это по-другому. Она замыкается, в точности как и он сам. Возможно, когда-нибудь я смогу понять, почему люди так себя ведут. Как же мне повезло встретить такую нежную, такую понимающую женщину, как Диана! Говорить с ней так легко, не нужно ничего придумывать...»

– Карина, я не могу принять то, что отец так рано ушел от нас. Мне не хватило времени, чтобы лучше узнать его, особенно теперь, когда я и сам готовлюсь стать отцом. А ведь я мечтал, представлял себе, как мы встретимся, как я сообщу ему прекрасную новость о ребенке... Но я испугался, подумал, что он снова будет говорить со мной как с маленьким мальчиком, и я все откладывал, все не решался. Разве в этот раз могло быть по-другому? Что бы я ни делал, что бы я ни сказал, он всегда виртуозно давал мне понять, что со мной что-то не так.

Увидев, как взволнован брат, Карина еще плотнее забирается в свою раковину: это не должно ее растрогать или хоть как-то на нее повлиять. С металлическими нотками в голосе она произносит:

– Перестань так сильно волноваться, Бен. Ты ничего не можешь изменить, и нет никакого смысла винить себя за это. Он умер, погиб, и точка. Я ни в коем случае не пролью и единой слезинки, он того не стоит. Он получил по заслугам: умер в одиночестве, и никого не было рядом, чтобы держать его за руку, проводить по-человечески.

Надо же, какая холодность! И это по отношению ко мне, человеку, который ради них из кожи вон лез! Откровенно говоря, я никогда и не думал умирать таким молодым.

Всю вторую половину дня Карина пыталась связаться с матерью, но, нужно сказать, совершенно безуспешно. Теперь она решает предпринять еще одну попытку. «В Ванкувере на три часа меньше. Наверное, мама уже вернулась домой», – думает она. Ожидая ответа матери, нервным жестом, по привычке, она снова закуривает сигарету. Она все же в стрессе из-за моей смерти, хотя не хочет в этом признаваться даже самой себе.

Мона тут же подходит к телефону. На вопросы Карины она радостно отвечает, что как раз сейчас открывает бутылку вина и готовит угощения. С минуты на минуту к ней должны зайти две подружки.

Карина выслушивает ее, а затем говорит:

– Мне жаль, мама, но я должна сообщить тебе неприятную новость. Ненавижу говорить такие вещи по телефону, но сейчас у меня нет выбора.

– Что случилось? Что-то с Бенани? Или с Дианой?

– Нет, мама, успокойся, они рядом и с ними все хорошо. Плохие новости касаются отца.

Пересказывая матери события текущего дня, Карина не перестает курить. У Моны на другом конце провода перехватывает дыхание. Она только что вошла в дом, где живет со своим новым спутником последние три года. Домик в горах с панорамным видом на город, просторный участок, окруженный деревьями... Милое гнездышко. *Все, что нужно для счастья, особенно в ее случае: она так любит природу!* Сейчас она стала еще красивее, чем прежде, просто сияет. Рыжие волосы коротко подстрижены и завиты. На ней элегантный зеленый брючный костюм из шелка. Она только что вернулась с работы. Какая разница, откуда я знаю? Трижды в неделю она ведет курс по развитию творческих способностей, используя различные приемы живописи. Видно невооруженным глазом: она счастлива. Ей нравится то, как она живет и чем занимается.

Странно одновременно находиться в Монреале и в Ванкувере. И только одна эта последняя сцена наглядно показала, чем сейчас живет Мона. В какие-то моменты я знаю, что происходит, а в какие-то нет. Почему так бывает?

Немного оправившись от шока, Мона просит Карину рассказать о случившемся подробнее, и дочь сразу же сообщает, что они с Беном предлагают насчет тела.

– Мы с Беном подумали, что ты сама должна решить, как поступить с телом отца. Ты все еще его жена, по крайней мере официально.

– Да, ты права, дорогая, это было досадным упущением с моей стороны. Однако твой отец мне всегда твердил, что займется вопросом развода сам. Понятия не имею, почему он так и не оформил бумаги. Это ужасная новость, представляю, как вам с Беном сейчас тяжело. Как ты себя чувствуешь?

– За меня не волнуйся, мама, я уже достаточно взрослая девочка. И поскольку я уже много лет не видела с отцом, то редко о нем вспоминала. А значит, для меня ничего особо и не изменится. Бену сложнее. Он пытается держаться, но ему очень-очень грустно.

– Я приеду, как только смогу. Я сейчас же забронирую билет на ближайший рейс в Монреаль и сообщу, в котором часу прилетаю. Втроем нам будет намного проще справиться со всеми формальностями. Передай, пожалуйста, трубку Бенани, я хочу с ним поговорить. Обнимаю тебя. С нетерпением жду нашей встречи, даже при таких нерадостных обстоятельствах.

Снова пытается храбриться наша красавица Карина. Даже с матерью она не позволяет себе хоть на минутку расслабиться. Конечно, она хочет скрыть, как сильно вся эта история тронула ее. Интересно, как бы она повела себя, узнав, что я наблюдаю сейчас за всем происходящим?

Ожидая, пока Бен подойдет к телефону, Мона берет себя в руки, наливает бокал вина и отпивает пару глотков. Он же наливает еще один стакан воды. Так ему посоветовал делать полицейский: отличный способ успокоиться.

– Здравствуй, мама, – говорит он дрожащим голосом. – Все, что произошло... Это ужасно...

Оставшись один в кухне и скрывшись от взгляда сестры, он снова начинает рыдать. Оказывается, ему не помогли ни дыхательные практики, ни вода, ни даже то, что у него (как он думал) закончились слезы.

Мона чувствует эмоции сына, сопереживает ему и начинает плакать вместе с ним. Она с трудом выговаривает:

– Поплачь, Бенани, это нормально, я понимаю тебя. Любому на твоём месте было бы тяжело узнать новость о внезапной и такой чудовищной смерти одного из родителей. Хорошо, что ты плачешь, нужно дать выход своему горю. Ведь ты так любил папу, ты так мечтал, что когда-нибудь ваши отношения с ним наладятся.

Она замолкает, выдерживает паузу, чтобы успокоиться, а затем продолжает:

– Если хочешь, можем поговорить об этом сейчас. Если нет, то я скоро приеду...

Бен растроган состраданием матери. Да, он бы предпочел поговорить с ней, когда она будет рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.